

На правах рукописи

Мажитова Жанна Сабитбековна

**ИНСТИТУТ БИЕВ В РОССИЙСКОЙ И КАЗАХСТАНСКОЙ
ИСТОРИОГРАФИИ: КОМПАРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ
(XVIII – НАЧАЛО XXI ВВ.)**

Раздел 07.00.00 – Исторические науки

Специальность 07.00.09 – историография, источниковедение
и методы исторического исследования

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Москва – 2016

Работа выполнена на кафедре истории стран ближнего зарубежья исторического факультета Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

Научный консультант:

Пивовар Ефим Иосифович

доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН, заведующий кафедрой истории стран ближнего зарубежья ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

Официальные оппоненты:

Брежнева Светлана Николаевна

доктор исторических наук, профессор кафедры «Социально-культурная деятельность» ФГБОУ ВПО «Поволжский государственный университет сервиса»

Дугарова Сержена Жигмытовна

доктор исторических наук, доцент кафедры теории и истории права и государства юридического факультета ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет»

Киселева Дина Ахметжановна

доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Центра изучения народов России и межэтнических отношений ФГБУН Институт российской истории Российской академии наук

Ведущая организация:

ФГБУН Институт востоковедения РАН

Защита диссертации состоится « ____ » _____ 2016 года в _____ часов на заседании Диссертационного совета Д 501.002.12 на базе Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова по адресу: 119992, Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, Исторический факультет МГУ, ауд. _____

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» (119992, Москва, Ломоносовский просп., д. 27), а также на официальном сайте исторического факультета: <http://www.hist.msu.ru/Science/Disser/Mazhitova.htm>

Автореферат разослан « ____ » _____ 2016 г.

Ученый секретарь диссертационного совета,
кандидат исторических наук, доцент

Т.В.Никитина

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. На современном этапе развития Республики Казахстан перед казахстанской историографией стоит исключительно важная задача формирования новой концепции истории Казахстана. Изменение политической и общественной ситуации в конце 1980-х – начале 1990-х гг. привело к тому, что были сняты идеологические скрепы, мешавшие исследователям свободно оперировать историческими данными, запреты на интерпретацию исторических процессов и явлений. В обществе появляется устойчивое стремление к критическому переосмыслению и верификации прошлого, основанное на отходе от прежних идеологических догматов, к созданию собственной истории. Одним из основных вопросов, привлечших в это время внимание самых разных исследователей и активно обсуждаемых в научной среде и в средствах массовой информации, стала история казахской государственности. В ее возникновении и становлении участвовали различные исторические деятели с опорой на традиционные социальные институты. Фундаментальным для властных отношений в традиционном обществе являлся институт биев. Оценки этого института в различные исторические периоды были противоречивыми и неоднозначными, дискуссии на эту тему, несколько меняя свой характер, продолжались, и отношение к нему, его понимание, несмотря на обилие собранных материалов, до сих пор остается неоднозначным. Иначе говоря, не только сам институт, но и история его изучения попадают в поле зрения ученых и становятся отдельной проблемой, которая требует специального внимания и анализа для понимания истоков и контекстов появления тех или иных источников и их интерпретаций.

Вместе с тем, в среде современных историков и правоведов в последние годы активно идет поиск оптимальной политико-правовой модели развития Казахстана с учетом его национальной специфики. В связи с этим заметно возросло внимание к работам дореволюционных и советских ученых, многие идеи и позиции которых были в свое время неверно трактованы или забыты. Именно в то время институт биев претерпевал значительные изменения, что послужило

поводом к появлению множества вопросов, поиск ответов на которые порождал порой ожесточенные споры. Участники дискуссий с позиции социального эволюционизма и марксистско-ленинской теории оценивали институт биев как «отсталый» и «классово враждебный», предлагали свои варианты социально-правовых преобразований, или говоря языком современной науки – концепции социально-правовой модернизации. В настоящее время в условиях методологического плюрализма основные направления проблемного дискурса о путях развития Казахстана вновь приобретают актуальность.

Нужно отметить, что история института биев неизменно привлекала внимание исследователей разных исторических школ, отчего социальный «портрет» этого института оказался довольно пестрым и разнохарактерным. Появившийся в последние годы огромный массив неопубликованного прежде и малознакомого материала лишь дополнил его разными оттенками. В одних трудах бий выступал «честным и бескорыстным слугой народа»; в других – «жестоким, преследующим свои корыстные цели эксплуататором». Немаловажно заметить, что исследователи зачастую пользовались одними и теми же источниками, однако, по-разному их интерпретировали. Такая полярность в позициях авторов рождала вполне закономерный вопрос: в чем причина этой двойственности? Ответ не может быть однозначным. С одной стороны, исследователи стояли на утвердившихся в науке позициях о застойности и консерватизме традиционного общества, с другой стороны, между строк читалось убеждение в динамичности и эластичности социума кочевников, вследствие чего «архаичные» коллективы не просто не поглощались соседними народами, а рождали в своей среде такие практики, которые позволяли им оставаться в своей нише и, пусть даже и с перерывами, дальше развиваться (яркий пример этому – институт биев). Какие внешние и внутренние факторы влияли на интерпретацию учеными тех или иных систем – откуда появилась дихотомия «архаичный, первобытный суд» – «“золотой век” казахского правосудия»? И, наконец, почему институт биев, суд биев устойчиво являлись предметом исследования на протяжении достаточно длительного времени?

Эти и другие вопросы не стали до настоящего времени предметом специального комплексного историографического исследования. Имеющиеся работы касаются истории Казахстана в целом, в них историография института биев не выносятся в отдельное направление. Поэтому можно говорить о том, что современное биеведение находится в «подвешенном» состоянии – имеется значительный корпус источников, материалов, исследований, однако его полноценное осмысление еще не произошло. Хотя тот интерес к биям, который появился еще в XVIII в. у всех, кто обращался к истории казахского общества, повторим, оставался практически неизменным до сегодняшнего дня, и это позволяет говорить об актуальности темы, ее универсальном характере, поскольку охватывает много других аспектов прошлого Степи. Из сказанного вытекает актуальность диссертационного исследования, которое нацелено на объективный и всесторонний анализ подходов и интерпретаций, а также в целом имеющейся историографии института биев.

Актуальность исследования определяется также тем, что в диссертации предпринята попытка не только историографического анализа объекта и предмета исследования, но собственно исторических источников, к которым непосредственно обращались авторы исследований и на основе которых они делали собственные суждения. Апелляция с нашей стороны к историческим источникам позволила выработать свое мнение по отношению к спорным проблемам, попавшим в свое время в поле зрения исследователей, и верифицировать исследования прошлых лет.

Анализ всей имеющейся литературы по данной проблеме приобретает особую актуальность еще и в связи с тем, что с 1990-х гг. повышенный интерес к социальной истории окраинных народов Российской империи проявляют зарубежные исследователи, работы которых выполняются главным образом в имперском дискурсе. Знания о России и российском Востоке по-разному интерпретируются на Западе, конструируя разнохарактерный образ империи. Многие дискуссионные темы в контексте дихотомии «империя/колония» импортируются в российскую и казахстанскую историографию, что приводит последние к «провинциализации», в определенной степени к зависимости от

гипотез и заключений зарубежных коллег. Данный фактор вызывает необходимость выявления собственного видения и выработку новых теоретических подходов.

Мы уверены в том, что без тщательного историографического анализа имеющейся литературы о социально-правовой истории казахского общества будет весьма трудно достичь успехов в современном реформировании казахстанского общества. Процесс модернизации общества должен строиться на основе анализа и обобщения самого широкого диапазона социально-правовых концепций: и тех, кто проводил административно-правовые реформы в Казахской степи, – Российской империи; и тех, кому они предназначались – казахского общества. Именно этим и обусловлен выбор темы диссертационной работы: компаративный анализ российской и казахстанской историографии. Сравнение позволяет значительно расширить поле исследования, а выявление различий или общих черт служит мощным стимулом для дальнейшего развития, источником движения научных знаний вперед, поскольку взгляд на предмет исследования «со стороны» зачастую служит основанием для отказа от устаревших догм и стереотипов.

Объектом исследования является дореволюционная, советская и современная российская и казахстанская историография института биев, а также вопросы возникновения и развития института биев.

Предметом исследования является сложный и противоречивый процесс генезиса идейно-теоретических концепций и подходов, методологических приемов и исследовательских техник, повлиявших на появление совокупности научных трудов и исследований об институте биев.

Длительный по времени и разнообразный по методологии процесс изучения породил проблему сущностного наполнения и использования терминов и понятий, описывающих данный социальный институт. Таким образом предметом нашего исследования стала терминологическая проблема. В литературе сложилось мнение, что термины «суд биев» и «институт биев» тождественны. Однако это не совсем так. В диссертации понятие «суд биев» понимается как орган по урегулированию конфликтов и споров в Степи, как часть института обычно-правовых отношений, включающего свод норм обычного права, акторов организации судебного процесса

и др. Под понятием «институт биев» мы подразумеваем определенную социальную группу, которая в ходе своей деятельности реализовывала административные, судебные, военные и другие функции по поддержанию устойчивой жизнедеятельности кочевой общины.

Требует уточнения понятие «правовой плюрализм». Под ним в работе понимается совокупность сосуществования в рамках одного общества нескольких правовых практик, имеющих разную силу и по разному воздействующих на социальные группы и правовые отношения.

Хронологические рамки исследования. Диссертация охватывает период с XVIII в. по настоящее время. Нижняя хронологическая граница связана с началом процесса юридического закрепления Российской империи на территории Младшего и Среднего жузов. С этого времени Казахская степь стала объектом интенсивного научного изучения. Заметим, что появившиеся в это время естественнонаучные работы, кроме практической описательности, с неподдельным интересом раскрывающей российскому обществу неведомый мир «диких» кочевников, важны еще и тем, что ученые стремились показать *инаковость* кочевого социума, отличающегося от ценностей земледельческого мира. На протяжении XIX и XX вв. знания о социальных институтах казахского общества пополнялись работами специалистов по обычному праву, позволивших расширить наши представления об институте биев. Верхние хронологические рамки диссертации определяются современной российской и казахстанской историографией, предметом которых становились вопросы социальной истории казахского общества.

Некоторые задачи диссертации и их концептуальное решение предполагали обращение к историческим и историографическим источникам, выходящим за пределы указанного периода.

Теоретические и методологические основы исследования. Научная объективность предполагает построение выводов и заключений на основе анализа всей совокупности источников и строгое следование выверенной методологии исследования, основой которой явилась диалектическая теория познания, а также общие приемы исследования исторических явлений в их развитии и

взаимообусловленности. Исследование базируется на общенаучном принципе историзма, предполагающего преемственность в исторических явлениях, неразрывную связь прошлого и настоящего. Подобный метод позволил рассматривать научное знание как целостную систему, в которой каждый предшествующий подход косвенно или прямо влиял на последующий, что в совокупности позволило составить систематический ряд научно-теоретических выкладок по социальной истории казахов на основе последовательно логической связи тематических конструкций. Следует учитывать влияние на характер исследования «внешних» факторов, в первую очередь, социально-политических процессов в стране, идеологии, «государственного заказа» и др.

Исследование так же основано на другом общенаучном принципе – объективности, требующего рассмотрения всех сторон предмета исследования вне зависимости от этнокультурных предпочтений и политических пристрастий историографа. Этот принцип опирается на необходимость тщательного сопоставления исторических фактов и явлений в совокупности, то есть всестороннего изучения проблемы. В свою очередь это позволит исследователю избежать предвзятого отношения при интерпретации источников и сделать верные обобщающие выводы по проблеме.

В диссертации в качестве основного нами использовался компаративный метод, позволивший исследовать историографию института биев в казахском обществе в тесной связи с социально-политической и исторической обстановкой, в результате которой она возникла и действовала. На основе этого метода нами выделены концептуальные подходы в исследовании проблемы в разные исторические периоды. Использование этого метода позволило сравнить малоизученные и неизученные историографические факты с уже введенными в научный оборот.

Проблемно-хронологический метод помог нам разделить предмет исследования на ряд проблем, по которым в историографии возникали дискуссии и споры. Соответственно дискуссионные проблемы рассматриваются в хронологической последовательности, в зависимости от времени возникновения источников и литературы. Этот метод позволил нам избежать повторяемости

некоторых вопросов, которые неизменно привлекали внимание исследователей и ученых. К примеру – отличительные черты казахского суда биев, судебного процесса и др.

Применение системного подхода в диссертации обусловлено пониманием того, что институт биев составляет систему, в то же время выступает как неотъемлемый элемент всей социокультурной системы казахского общества, прямо и опосредованно влияющий, со своей стороны, на генезис и вектор развития института биев.

Степень изученности темы. Работы историографического характера не появляются вдруг. Они «вызревают» в процессе количественного накопления знания, знаменуя собой потребность его осмысления и выход на качественно новый уровень историографического обобщения.

Вопросы социальной истории казахского общества в дореволюционной историографии не стали предметом специального исследования. Таких работ практически нет. Скорее всего, это связано с тем, что в обозначенный исторический период в связи с активизацией внешней и внутренней политики империи в этом регионе шел в основном сбор и систематизация эмпирического материала. Поэтому не случайно работы носили в основном характер этнографических и исторических исследований. Вопросы, касающиеся социальной структуры, общественных отношений и обычного права казахов вскользь рассматривались в виде небольших историографических обзоров, в которых авторы исследований давали краткую оценку предшествующему научному опыту.

Первые обобщения появляются с конца XIX в. А.Н. Харузин, проанализировав ряд сочинений и статей о Младшем жузе, отмечал: «Литература по киргизскому (здесь и далее. – казахскому. – Ж. М.) племени весьма обширна, но, несмотря на это богатство, киргизская народность считается неисследованной. Громадное количество сочинений страдают отрывочностью данных, отсутствием системы»¹. Схожие взгляды мы наблюдаем и у других исследователей. Так, отдав дань должного уважения своим предшественникам, Л.А. Словохотов писал:

---

¹ Харузин А.Н. Киргизы Букеевской Орды (Антрополого-этнологический очерк). Вып. 1. М.: Типография А. Левенсон и К^о, 1889. С. 13.

«Правовой быт киргиз почти неизвестен ученому миру. Две крупных работы: работы Левшина и труд Гродекова составляют, можно сказать, всю учено-систематическую литературу о киргизах. Что касается киргизского народного суда, то кроме случайных заметок, двух журнальных статей мы имеем работы Крафта и г. Добросмыслова. Работа Крафта чисто канцелярский труд, лишенный положительно всякой научной аргументации. Как в его работе, так и в работе г. Добросмыслова не выяснена сущность народных правовоззрений, не указаны основные принципы судебной структуры киргиз вне регламентации их русским правительством»². Аналогичное мнение звучит и в предисловии работы А.И. Мякутина: «Юридический быт этого народа совершенно незнаком людям науки, а имеющиеся по этому вопросу сведения в печати крайне неполны, неопределенны, сбивчивы, часто противоречивы»³.

Не стала эта проблема предметом историографического интереса и в советское время. И это вполне закономерно. Начиная с раннего советского периода, государство как надзорный орган постепенно начинает активно вмешиваться в науку, влияя на ход и содержание дискуссий. Тема «досоветских», «дореволюционных» кочевых обществ была в числе неактуальных, поскольку затрудняла ученым в своих исследованиях в полной мере применить классовый и формационный подход к обществам, в которых трудно было найти классовое противоречие, а само общество четко поместить в рамки определенной общественно-экономической формации. Поэтому тема института биев, обычного права кочевых народов оставалась табуированной, «не конъюнктурной», а если и рассматривалась, то подавалась в контексте устного права эксплуататорского класса. Указанное обстоятельство определило состояние историографической мысли. Сравнительно небольшое количество научных работ по истории института биев привело к тому, что специальной историографической работы по этой теме в советской науке не появилось. Имеющиеся немногочисленные историко-правовые исследования, посвященные социально-политической и экономической истории

---

² Словохотов Л.А. Народный суд обычного права киргиз Малой Орды // Труды Оренбургской Ученой Архивной Комиссии. Оренбург, 1905. Вып. XV. С. 23–23.

³ Мякутин А.И. Юридический быт киргизов // Труды Оренбургской Ученой архивной комиссии. Оренбург. 1911. Т. XXV. Вып. XXV. С. 7.

досоветского общества, рассматривали этот вопрос во вводной части работы, вкратце останавливаясь на анализе историографии проблемы. В этом разделе весь свой «гнев» по поводу слабой разработанности проблемы ученые обращали либо на дореволюционную историографию, обвиняя ее в «описательности», «слабости методологической базы» и т. д., либо на своих коллег, которые в 1920-е гг. придерживались «мелкобуржуазных взглядов». К примеру, довольно часто подвергались критике работы А.П. Чулошникова, поскольку его книга «смотрит не вперед, а оглядывается назад, на пройденный буржуазной историографией путь в исследовании прошлого казахского народа», либо А.Ф. Рязанова, так как тот «рассматривал казахскую общину в классовом отношении как нечто целое и не сделал попыток вскрыть глубокие противоречия, которые в себе эта община скрывала»⁴. На фоне критики предшествующей историографии заметно стремление ученых подчеркнуть достижения современной им науки. На наш взгляд, такая тенденция вызвана несколькими причинами. С одной стороны, ученые понимали, что любая критика в адрес современников могла быть потенциально опасной как для рецензента, так и для автора. С другой – определенное понимание того, что объективное изучение проблем досоветских обществ в свете сталинских догм априори невозможно, вынуждало их констатировать положительную динамику историографии вопроса.

Заметным событием в исторической науке Казахстана стал выход в свет работы Э.А. Масанова⁵. В ней на основе большого количества материалов автор рассматривает историю этнографического изучения казахского народа в досоветский и советский периоды. Автор отметил большой вклад дореволюционных исследователей в изучение казахского общества. Достаточно подробно анализируются результаты экспедиционных исследований советских ученых.

Историография социальной истории казахского общества рассматривалась в контексте других вопросов. К примеру, в работе видного ученого Г.Ф.

---

⁴ Вяткин М.П. Батыр Срым. М.; Л.: АН СССР, 1947. С. 50–51.

⁵ Масанов Э.А. Очерк истории этнографического изучения казахского народа в СССР. Алма-Ата: «Наука» КазССР, 1966.

Дахшлейгера анализируются труды по истории национально-освободительных движений казахов в XVIII–XIX веках⁶.

Историографические аспекты проблемы получили освещение в монографии С.Ш. Ахметовой, в которой обобщается историко-краеведческий опыт исследователей и ученых в Казахской степи в дореволюционное время. Автор положительно оценивает деятельность отделений Русского географического общества (Оренбургского, Туркестанского, Западно-Сибирского, Семиреченского), членами которых была проведена большая работа по систематизации и сбору этнографических, географических и статистических сведений по казахскому обществу⁷.

Известный ученый Д.И. Дулатова отметила вклад С.Е. Толыбекова и С.З. Зиманова в изучение социальной структуры казахов в досоветский период. «Ученые показали, что в период развития капитализма в России, особенно в пореформенный период, структура класса эксплуататоров в Казахстане представляла собой систему неравнозначных социальных групп, интересы которых переплетались: баи – владельцы скота и плодородных пастбищ; бии, сохранившие в своих руках судебную власть в ауле; старшины, превратившиеся в местный чиновничий аппарат, в обязанности которого входил сбор налогов с подвластных аулов»⁸.

В 1970-х – начале 1990-х гг. появляются обобщающие работы, в которых были подведены итоги историографического исследования истории Казахстана за предшествующий период⁹.

Таким образом, проблемы социально-правовых институтов традиционного общества казахов не стали в советской историографии объектом исследования, поскольку и в 1980-е гг. ученые были нацелены на изучение вопросов «истории развитого социалистического общества, промышленности и сельского хозяйства

---

⁶ Дахшлейгер Г.Ф. Историография советского Казахстана (Очерк). Алма-Ата: «Наука» КазССР, 1969.

⁷ Ахметова С.Ш. Историческое краеведение в Казахстане. Алма-Ата: Казахстан, 1982.

⁸ Дулатова Д.И. Историография дореволюционного Казахстана. Алма-Ата: «Наука» КазССР, 1984. С. 86.

⁹ Бекмаханова Н.Е. История дореволюционного Казахстана в новейшей советской литературе (1968–1971 гг.) // Вопросы истории. 1972. № 10; Ахметова Н.С. А.И. Левшин – исследователь обычного права казахов // Изв. АН КазССР. Сер. обществ. наук. 1981. № 4; Абилов А.К. Русская историография истории Казахстана. Караганда: КарГУ им. Е.А. Букетова, 1988; и др.

Казахстана, истории городов, ...рабочего класса, крестьянства и интеллигенции, растущей социальной однородности на современном этапе»¹⁰.

В целом, ситуация не изменилась и в современной российской и казахстанской историографии. Проведенный в диссертации системный анализ большого корпуса гуманитарных исследований современных ученых показывает, что вопросы института биев в специальном историографическом плане не разрабатываются – авторы дают во вводной части монографии и диссертаций краткие историографические экскурсы по дискуссионным проблемам обычного права и правовых институтов казахского общества. В этом плане можно выделить труды академика С.З. Зиманова, А.И. Оразбаевой и др. ученых¹¹. Содержательная монография академика С.З. Зиманова о казахском праве открывает широкие возможности для комплексного изучения историко-правовых институтов казахского общества. С.З. Зиманов в своем исследовании наряду с дореволюционной литературой провел широкий анализ работ советских ученых. Особого внимания заслуживает монография А.И. Оразбаевой, которая несколько расширила географию исследования, включив в историографический анализ труды средневековых тюркских и персидских авторов. В работе дается характеристика исследований по истории института биев, сформулированы проблемы, которые заслуживают внимания ученых. В частности, отмечается роль устных источников по изучению традиционных институтов казахов.

Значительный интерес представляют публикации справочного характера. Первые дореволюционные справочники в целом носили комплексный характер. В них помещались названия работ по экономике, этнографии, истории казахов¹². В 1951 г. Академией наук Казахской ССР был издан библиографический сборник, в котором нашли отражение материалы устного народного творчества казахского

---

¹⁰ Тулепбаев Б.А., Козыбаев М.К., Дахшлейгер Г.Ф. Некоторые итоги и актуальные проблемы изучения истории Казахстана // Вопросы историографии Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1983. С. 19–20.

¹¹ Оразбаева А.И. Дәстүрлі қазақ қоғамындағы тән билер институты. Алматы: Дайк-Пресс, 2004; Зиманов С.З. Казахский суд биев – уникальная судебная система. Алматы: Атамұра, 2008; Почекаев Р.Ю. Казахский суд биев глазами российских исследователей XIX – начала XXI вв. // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. 2012. № 1; и др.

¹² Харузин А.Н. Библиографический указатель статей, касающихся этнографии киргизов и каракиргизов. М.: Б. и., 1891; Алекторов А.Е. Указатель книг, журнальных и газетных статей и заметок о киргизах. Казань: Тип. ун-та, 1900.

народа¹³. Сборник интересен тем, что в него были включены исследователи, способствовавшие распространению знаний о фольклоре казахов, дается краткая аннотация работы.

Среди других справочно-библиографических изданий хотелось бы отметить изданные в 1964 г. и 2007 г. указатели статей и исследований по историографии дореволюционной истории Казахстана¹⁴. В 1994 г. вышел составленный У. Субханбердиной сборник текстов из «Киргизской степной газеты», в котором наше внимание привлекли материалы о народном суде и обычном праве казахов¹⁵. Библиографические словари позволяют не только найти информацию о работах по интересующему вопросу, но и воссоздать историю развития биеведения в определенный период прошлого.

Хотя представленный обзор не носит исчерпывающего характера, он позволяет составить ясное представление об отсутствии специального комплексного историографического исследования проблемы института биев как в российской, так и в казахстанской историографии. Основу историографического корпуса составляют вводные части историко-правовых исследований, немногочисленный корпус статей о персоналиях и институтах.

Цель диссертации состоит в том, чтобы дать сравнительный историографический анализ литературы, направленный на раскрытие позиций и взглядов ученых и исследователей по истории зарождения и трансформации института биев, его характерных особенностей и роли в казахском обществе, постановке основных проблем по дальнейшему исследованию института биев.

В связи с этим возникает необходимость решить следующие **задачи**:

– выявить теоретико-концептуальный подход досоветской историографии к эволюции института биев;

---

¹³ Библиографический указатель по казахскому устному творчеству. Вып. 1. 1771–1916 гг. Алма-Ата: АН КазССР, 1951.

¹⁴ Библиография по истории Казахстана (аннотированный указатель). Вып. 1. Дореволюционный период. Алма-Ата: Казгосиздат, 1964; История Казахстана. Дореволюционный период: Аннотированный библиографический указатель казахских, русских книг и рукописей, хранящийся в фондах ЦНБ МОН РК. Т. 1. Алматы: Комплекс, 2007.

¹⁵ «Киргизская степная газета»: человек, общество, природа. 1888–1902 / Сост. У. Субханбердина. Алматы: Ғылым, 1994.

– проанализировать дореволюционные исследования и на основе этого определить их оценки особенностей древнего института биев, судебного процесса в казахском обществе;

– выделить этапы становления и развития советской историографии проблемы;

– провести компаративный анализ смены подходов и концепций в отношении института биев в советской историографии;

– показать процесс накопления социогуманитарных знаний по теме; расширения и углубления ее проблематики в советский период;

– выяснить основной круг проблем по истории института биев в современной историографии, и на этой основе провести сравнительный анализ;

– дать компаративный анализ зарубежной историографии по теме;

– подвести общий итог по изучению проблемы института биев и достигнутым результатам; определить неизученные или слабо изученные вопросы по теме;

– изложить свои рекомендации о возможных путях дальнейшей разработки проблемы.

Источниковая база исследования. Спецификой источниковой базы диссертации является то, что она включает научные работы, которые выступают одновременно в роли как историографического, так и исторического источника. Это связано с тем, что они являются не только носителем информации о генезисе и развитии института биев, но и предоставляют аналитический материал, вплотную примыкающий к историографии. Выбор разнородных по форме и содержанию, степени достоверности источников был обусловлен предметом и поставленными задачами в исследовании. В целом источниковый корпус работ можно условно разделить на три группы.

1. Основную группу источников составила научная социогуманитарная и публицистическая литература. К этой группе в работе отнесены опубликованные работы исследователей дореволюционного, советского и постсоветского периода, внесших значительный вклад в сбор эмпирического материала и на основе этого разработку целого ряда научно-теоретических аспектов изучения истории

института биев. В свою очередь, учитывая специфику источников этой группы, их можно разделить на несколько подгрупп:

– Опубликованные отчеты ревизий сенаторов Ф.К. Гирса и К.К. Палена позволяют раскрыть отношение российских чиновников к проблемам судебного устройства в казахских степях. В них содержится подробная информация о состоянии судебного устройства в регионе, описывается не только текущее положение суда биев, но и предлагаются меры по его регламентации. Из источников личного происхождения в работе использовалась изданная часть мемуаров, дневников лиц, имевших представление об обычно-правовых институтах казахов.

– Любопытный материал по проблеме содержится в периодической печати, которая, начиная с дореволюционного времени по настоящее, активно привлекалась в качестве источника по исследуемой теме. Сложность в изучении этого типа источника заключалась в его неоднородном характере, определенном типом научной или общественной периодики, и зависимости от политической конъюнктуры. В ней ясно прослеживается идейно-теоретическая направленность авторов статей по самому широкому спектру вопросов.

– Много полезного и интересного в ходе подготовки диссертации автор вынес из знакомства с материалами десятитомного издания «Древний мир права казахов», на страницах которого охватывается широкий спектр вопросов: исследования о законодательной деятельности казахских ханов – Касым хана (1510–1518/21), Есим хана (1598–1628) и Тауке хана (1680–1715/18); представлены варианты «Жеті жарғы» (Уложения хана Тауке) в редакциях А.И. Левшина, Г. Спасского, К. Шукуралиева, исследования советских, современных казахстанских и российских ученых по проблемам обычного права и другие вопросы. Эти материалы позволили составить общую характеристику состояния изученности темы.

– Для понимания этапов эволюции суда биев нами использовались утвержденные и неутвержденные законодательные документы правительства России – «Устав о сибирских киргизах», «Устав об оренбургских киргизах», «Временные положения по управлению в Семиреченской, Сырдарьинской,

Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областях» 1867–1868 гг. и др. Эти документы позволяют проследить процесс трансформации в XIX в. судеб в ходе проводимых Российской империей административно-правовых реформ.

– К этой группе также отнесены монографии, авторефераты диссертаций и диссертации, сборники статей, материалы научных конференций, круглых столов, которые в той или иной степени рассматривали социальную историю досоветского общества. Содержание и выводы авторов способствовали появлению новых идей, влияли на формирование концептуальных подходов при исследовании темы, рождали дискуссии в научной среде. При этом нами учитывалось влияние на взгляды ученых объективных и субъективных факторов, сформировавших концептуальный подход в исследовании.

– Отдельную подгруппу составили научные работы и исследования западноевропейских и американских авторов, начиная с досоветского периода и по настоящее время.

2. Вторую группу важных источников, легших в основание диссертации, составили архивные материалы, извлеченные из Российского государственного исторического архива (РГИА), Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), Центрального государственного архива Республики Казахстан (ЦГА РК), Центрального государственного архива Республики Узбекистан (ЦГА РУз) и Государственного исторического архива Омской области (ГИАОО). Часть из этих материалов впервые вводится в научный оборот.

3. К последней, но от этого, не менее значимой группе мы отнесли опубликованные источники. Это, в первую очередь, «Материалы по истории Казахской ССР (1785–1828 гг.)», «Материалы по истории политического строя Казахстана (Со времен присоединения Казахстана к России до Великой Октябрьской Социалистической революции)», «Материалы по казахскому обычному праву», «Казахско-русские отношения в XVI–XVIII веках (Сборник документов и материалов)», «Казахско-русские отношения в XVIII–XIX веках (1771–1867 годы). (Сборник документов и материалов)». В этих изданиях содержится огромная источниковая информация об обычном праве казахов, о

взаимоотношениях местной и региональной администрации, дается характеристика биев российскими чиновниками, которые по долгу службы активно контактировали с ними. Зачастую многие сведения о древнем суде биев, его характерных чертах, специфике кочевого судопроизводства можно почерпнуть именно из этих источников.

К этой подгруппе мы также отнесли опубликованные тюркские и персидские источники. Прежде всего, это извлечения из персоязычных сочинений в «Истории Казахстана в персидских источниках» (V том), работы тюркоязычных авторов – Махмуда ал-Кашгари «Диван лугат ат-турк» и Юсуфа Баласагуни «Благодатное знание». Эти источники содержат интересные сведения о государственном и политическом устройстве улусов, образовавшихся на территории Казахстана после установления монгольского господства, дают представления о титулах и чинах, о социальной структуре общества. Но самое главное это то, что труды этих авторов позволяют понять семантическое значение терминов «бек», «улус бек», «бий», употреблявшихся в разное историческое время.

Научная новизна диссертации заключена в самой постановке цели и задач исследования и определяется тем, что это, по сути, первое в российской и казахстанской исторической науке историографическое исследование института биев, проведенное автором с использованием широкого круга архивных источников. Проведенный в диссертации анализ позволяет прийти к выводу, что до настоящего времени историографические исследования в этой области носили фрагментарный характер. В диссертации впервые полно и детально получили характеристику этапы историографии темы, выявлены концептуальные подходы в исследовании проблемы, определены перспективы дальнейшего развития историографии института биев.

В ходе компаративного анализа работ впервые показана противоречивая история развития научного знания по данной теме в разные временные отрезки. В диссертации отмечаются позитивные и негативные стороны историографии вопроса, проанализирован вклад дореволюционных, советских и современных исследователей в разработку проблемы, в то же время, выявлен ряд концептуальных положений, послуживших причиной зарождения дихотомий

«архаичный, первобытный суд» – «“золотой век” казахского правосудия», «эксплуататор, предатель/родовой предводитель, защитник казахского народа». В диссертации высказывается ряд идей, позволивших переосмыслить некоторые прежние историографические выводы.

Важным признаком научной новизны диссертации является переосмысление и выявление слабо изученных вопросов в историографии темы. К примеру, в исследовании показано соотношение адата и шариата в XIX в.; впервые выявлено участие биев в «подрывной» деятельности нерусских народов в отношении империи в контексте случаев приспособления; по-новому рассмотрена роль биев во внешнеполитических инициативах Российской империи в центральноазиатском регионе.

Кроме этого в научный оборот впервые вводится корпус неопубликованных архивных материалов.

Территориальные границы исследования локализованы Казахской степью, под которой в работе понимались степные области Казахстана, вошедшие в состав Российской империи. Вместе с тем мы признаем, что положенная в основу диссертации географическая терминология весьма условна, так как с момента образования Казахского ханства (середина XV в.) и до ликвидации суда биев (конец 1920-х гг.), границы территории, населенной казахами-кочевниками неоднократно менялись. Однако, учитывая, что институт биев, судя по имеющимся нарративам, являлся продуктом кочевого общества, в основу территориального критерия был положен производственно-хозяйственный принцип, означающий его распространение среди казахов Младшего, Среднего и Старшего жузов.

Здесь же отметим, что изучением традиционных институтов кочевников в первую очередь занимались российские и казахстанские исследователи. Поэтому объект и предмет исследования географически охватывает взгляды исследователей России и Казахстана.

Практическая значимость работы. Поскольку работа носит междисциплинарный характер, ее результаты могут быть использованы при написании специальных и обобщающих работ, как историографического, так и историко-правового, филологического и философского плана по истории

социальных отношений, институту биев, обычному праву казахского общества. Содержание диссертации может представлять интерес для преподавателей и студентов вузов, научных учреждений, занимающихся вопросами изучения социально-правовых отношений в казахском обществе. Материалы диссертации представляют интерес при подготовке общих и специальных курсов по историографии истории Казахстана, а также для всех тех, кто интересуется историей Отечества.

Структура и основное содержание диссертации. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения и списка использованных источников и литературы.

Основное содержание диссертации

Во введении к диссертации дается обоснование актуальности исследования, степень ее научной и практической значимости, определены хронологические и территориальные рамки работы, ее объект и предмет, цель и задачи, дана характеристика различных групп источников и методологии исследования. Сформулированы выносимые на защиту положения, описывается апробация основных результатов исследования. Отдельный пункт введения содержит историографический раздел, в котором освещаются исследования, касающиеся проблематики диссертации.

В первой главе **«История смены дискурсов: теоретико-методологические основы историографии проблемы»** исследован вопрос смены теоретико-методологических подходов в историографии института биев в разные исторические периоды.

В первом разделе рассматриваются вопросы, связанные с возникновением и развитием в досоветской историографии эволюционного подхода в процессе инкорпорации местного права в имперское социокультурное пространство.

Формирование теоретико-методологических принципов и подходов дореволюционной историографии XVIII–XIX вв. по рассматриваемой теме было связано с логикой политических и стратегических задач России как империи внутреннего колониализма, составной частью которого становились идеи века

Просвещения. В первой половине XVIII в. земли казахов Младшего и Среднего жузов юридически вошли в состав Российской империи. К этому времени российское централизованное государство, берущее начало еще с времен Ивана III, обращает свой взор как на запад, где Петр I в ходе российско-шведских войн успешно «прорубал окно» в Европу, так и на Восток, где великий реформатор пытался подобрать «ключи» к «воротам» Азии.

Историческое продвижение и расширение границ империи в юго-восточном направлении связано не только с силовым воздействием центра на приграничные окраины (хотя этот фактор не исключается), разноплановыми методами колонизации, включавшими стихийные и организованные потоки переселенцев, но и в том числе с фактором государственной политики и административно-правовой практики империи.

Процесс включения территории Казахской степи в состав Российской империи определяется относительно длительным временным интервалом (XVIII – середина XIX вв.) и сопровождался целенаправленным утверждением правовых норм и практическим внедрением их в местное социоправовое поле. Эти нормы служили важным фактором по легитимации власти в крае, кроме этого они были призваны способствовать постепенному формированию единого правосознания всех народов, населявших империю. Бескрайние степные просторы, посезонно кочующие казахские племена, у которых, по мнению российских исследователей и путешественников, «сложно было найти какие-то признаки государственности», сформировали в российском обществе стойкое мнение о казахах как общности, пребывающей на доклассовой стадии развития. Поэтому относительно общественного устройства казахов в дореволюционной историографии всецело господствовала идея о родовом быте и родовом характере социальных отношений. Своеобразные черты, присущие кочевому миру казахов, объяснялись «возрастными» параметрами, поэтому кочевники стали восприниматься не просто как «чужие», но и как «иные», живущие в «состоянии незрелости». Путешественники и исследователи казахского общества исходили именно из этого методологического постулата, поэтому не случайно частое употребление эпитетов

«дикарь», «варвар» и т. д. в качестве характеристики уровня развития общества номадов встречается повсеместно.

Для того чтобы «подтянуть» менее развитые общества к российской (европейской) модели и тем самым создать гомогенное имперское общество, предполагалось провести реформирование социума окраины, направить его развитие в нужное русло. Единственный вопрос, который волновал общественность – пути этого реформирования: поступательный (принцип эволюционизма) или крутая ломка устоявшихся местных культурных ценностей (назовем его революционным).

Вопрос этот действительно был в числе важных для власти, поскольку как верно выразился в своем «Дневнике» Ф.М. Достоевский: «В Азии, может быть еще больше наших надежд, чем в Европе. Мало того: в грядущих судьбах наших, может быть, Азия-то и есть наш главный исход!»¹⁶. С поворотом в Азию, «где мы явимся господами», по мнению писателя, «миссия наша цивилизаторская подкупит наш дух и увлечет нас туда, только бы началось движение»¹⁷. Кроме идеи о мессианской роли, российское правительство смотрело на присоединенные территории как на «целину», на которой можно было экспериментировать в социально-правовых проектах, однако без ущерба государству.

На протяжении всего XIX в. Российское правительство проводит ряд административно-правовых реформ. Основные положения всех законодательных документов предполагали установление российского правления в том числе – путем использования норм адата, постепенное преобразование существующих судебных практик, поступательное внедрение среди местного населения идеи об имперском праве как более гуманном и справедливом. Предполагалось, что со временем суд биев не выдержит конкуренции с мировыми судами и постепенно станет рудиментом в жизни кочевников¹⁸. Такова была логика господствовавшего в то время эволюционистского подхода.

---

¹⁶ Достоевский Ф.М. Дневник писателя. М.: Лениздат, 1999. С. 722.

¹⁷ Там же. С. 725.

¹⁸ В вопросах трансформации местного суда правительство выбрало в качестве эталона мировые суды империи, которые считало более перспективными и цивилизованными.

К 1820-м гг. сложились в основном два дискурса к реформированию нормативного поля казахов. Так, согласно предложениям сторонников либерального подхода, российское законодательство представлялось как унитарное (в правовом аспекте) правовое пространство, в котором должны были раствориться все местные правовые практики¹⁹. Либералы считали, что основными принципами цивилизованного государства являются верховенство закона и равенство всех граждан перед законом вне зависимости от социального происхождения и богатства. Они, в контексте «окультуривания» нерусских народов, видели будущее России как просвещенного, цивилизованного государства, поэтому курс властей на постепенное, хотя и в обозримом будущем, инклюзивное распространение общего права вызывало возмущение и жесткую критику. Другое направление было представлено сторонниками использования полиюридического подхода (можно обозначить этот подход несколькими понятиями – консервативный государственный, официальный). Они исходили из практического опыта и понимания, что для реформирования кочевого общества нужна система управления, которая позволит без ущерба для обеих сторон (акторов процесса) создать гомогенное правовое общество.

В самом российском обществе на протяжении всего XIX в. и начала XX в. существовало неоднозначное отношение к имперской практике правового плюрализма, что приводило к жаркой полемике о путях реформирования судебной системы и появлению по этой причине целой серии «временных» и «проектных» положений²⁰ как компромисса между либералами – сторонниками единой (цивилизованной) судебной практики – и сторонниками нормативного плюрализма. Однако, несмотря на указанные трудности и противоречия, дифференцированный подход в российском законодательстве являлся «генеральной» линией и имел целью, повторим, первоначальное сохранение правовой практики местных судов с последующей безболезненной (во всяком случае, так виделось) инкорпорацией в имперское право.

---

¹⁹ Бербэнк Дж. Местные суды, имперское право и гражданство в России // Российская империя в сравнительной перспективе. Сб. статей / Под ред. А.И. Миллера. М.: Новое издательство, 2004. С. 320–358.

²⁰ «Временное положение об управлении Семиреченской и Сыр-Дарьинской областей» 1867 г., «Временное положение об управлении Степными областями» 1868 г., «Проект генерал-адъютанта фон Кауфмана» 1871 г. и 1873 г., «Проект генерал-лейтенанта Колпаковского» 1881 г., «Проект временных правил о суде киргизов» 1910 г.

Во втором разделе утверждается, что в советское время государство влияло на все сферы жизни общества. Однако установление социалистической идеологии в качестве единой мировоззренческой основы произошло не сразу. 1920-е – начало 1930-х годов были переломными годами в советской историографии. Не имея ни политических сил, ни квалифицированных кадров для борьбы с дореволюционными историческими концепциями, большевики были вынуждены принимать ситуацию, при которой в науке одновременно могли использоваться методология как «старой школы» (позиции которой были пока достаточно сильны), так и теоретические выкладки и концептуальные положения советской власти в виде материалистического понимания истории. Более того, эволюционизм был воспринят большевиками; его дополнили классовой борьбой и конечной целью – коммунизмом. Поэтому не случайно в это время мы можем наблюдать плюрализм научных мнений. 1920-е годы были временем культурных и научных экспериментов, когда сторонники «национальной» культуры и науки были пока еще оппонентами, а не буржуазными представителями и врагами адептов «пролетарской» идеологии. О том, что в этот период еще имел место научный плюрализм, можно судить по научным спорам между учеными, вылившимся в дискуссию об азиатском способе производства. При исследовании социальной и политической истории казахского общества большинство исследователей исходили из постулата, что родовые лидеры – бии, старшины, аксакалы представляли верхушку родовой общины и играли ведущую роль в функционировании кочевой общины. Учитывая тот факт, что эта представительная группа не просто существовала, а удерживала в первые десятилетия советской власти крепкие позиции среди рядовых кочевников, многие исследователи края предлагали в своих работах опереться на эту политическую силу, как отражающую интересы общины.

По мере строительства государства в соответствии с генеральной линией партии большевиков изменялась не только социально-экономическая, но и политико-идеологическая ситуация. В связи с этим меняется и «облик» исторической науки – он становится все более политизированным и окончательно утверждает в качестве теоретико-методологической позиции концепцию

классового подхода при изучении исторических процессов, как прошлого, так и настоящего. В итоге, к середине 1930-х гг. происходит окончательная смена дискурса: отход от просветительского в сторону классового подхода, «выстраивание» исторического процесса в контексте идей большевиков и свертывание дискуссий.

Значительным событием стало создание в республике в 1932 г. Казахской базы Академии наук СССР (с 1938 г. КазФАН СССР)²¹, направившей усилия ученых на изучение этнографического и археологического наследия многонационального советского государства. Кадровый потенциал ведущего научного учреждения Казахстана был усилен в годы Великой Отечественной войны за счет эвакуированных на территорию республики крупнейших ученых из центральных регионов Советского Союза. Обращение этими учеными к теме национальной истории республик, в которой не последнюю роль играли вопросы национально-освободительной борьбы казахского народа в XVIII–XIX вв. нашло отражение в первых академических изданиях по истории Казахстана. В них национальными героями становились представители «эксплуататорского» класса – ханы, бии, родовые предводители.

Однако в конце 1940-х годов становится доминирующей сталинская концепция по национальному вопросу. Сталинское высказывание о грузинском «национализме» переносилось на историю освободительных движений всех народов окраины Российской империи. Поэтому вполне закономерно, что этот методологический постулат определял характеристику освободительных движений казахов, возглавляемых представителями казахской родовой верхушкой – «дворянами», как реакционные, преследующими узкородовые, клановые интересы.

Характерной чертой этого периода являлось утверждение классового подхода, который призван был объяснить все события исторического прошлого. Ученые отходят от полемики, подвергающей сомнению пятичленную формационную схему. В теоретизировании произошел новый поворот в оценке имперского периода России. Колониальное прошлое и вхождение народов окраин в состав Российской империи стали рассматривать как «наименьшее зло». Причем под

---

²¹ Казахский филиал АН СССР.

«вхождением» чаще всего подразумевалось добровольное присоединение. Именно в это время тональность работ, посвященных родовым предводителям – биям, начинает меняться в сторону отрицательных характеристик. Более того, эта тема постепенно начинает отходить на задний план не столько из-за неактуальности, сколько увеличения вероятности для ученых оказаться в академической и государственной опале.

Еще одну причину «нецелесообразности» изучения обычно-правовых институтов можно увидеть в словах А.Я. Вышинского, сказавшего в 1938 г., что «право – это совокупность правил поведения, выражающих волю господствующего класса, *установленных в законодательном порядке* (здесь и далее курсив мой. – Ж. М.), а также обычаев и правил общежития, *санкционированных государственной властью*, применение которых обеспечивается принудительной силой государства в целях охраны, закрепления и развития общественных отношений и порядков, выгодных и угодных господствующему классу»²².

Определение А.Я. Вышинского было одобрено учеными как отвечающее требованиям революционной законности, а через десять лет на Всесоюзном съезде юристов утверждено в качестве доктринального учения в научной и учебной литературе по теории государства и права. С тех пор большинство правоведов, ссылаясь на слова А.Я. Вышинского, стали изучать проблему обычного права, не санкционированного государством как «вовсе не право». Такие установки, конечно же, повлияли на изменение характера предмета исследования многих ученых-правоведов. Поэтому неудивительно, что ученые-юристы начали систематическое изучение обычного права и его институтов, опираясь в качестве теоретико-методологической базы исследования на произведения классиков марксизма-ленинизма и документы ВКП(б) и КПСС²³.

Одни авторы, кто не следовал идеологическим клише, подвергались «разоблачениям», обвинялись в космополитизме и национализме. Другие в угоду

---

²² Материалы Первого совещания научных работников права. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1938. С. 92.

²³ Шаламов М. Судебное устройство Казахстана. М.: Юридическое издательство, 1941; Нудель М.А. Уничтожение ханской власти в Младшем жузе: дис. ... канд. юрид. наук. М.: ВИЮН, 1944; Культелеев Т.М. Уголовное обычное право казахов (с момента присоединения Казахстана к России до установления советской власти). Алма-Ата: АН КазССР, 1955; и др.

власти, вынуждены были «пересматривать» свои научные взгляды, наполняя их каноническими установками из работ классиков марксизма-ленинизма. Но, несмотря на это, в рассматриваемый период были созданы фундаментальные работы, которые и сегодня по праву можно назвать «эталонными» в разработке узловых проблем истории Казахстана.

XX съезд КПСС стал рубежом в общественно-политической жизни страны, но довольно слабо отразился на развитии гуманитарной науки, поскольку авторитетный дискурс остался практически неизменным и по-прежнему базировался на марксистско-ленинской методологии. Командно-административный стиль руководства страной и партийный контроль по-прежнему определяли научные направления исследований. Влияние общественно-политического поворота, «оттепели» проявилось в возникновении вариативного подхода внутри доминирующей методологии и организации в связи с этим дискуссий. К примеру, именно с середины 1950-х гг. в исторической науке разворачиваются настоящие баталии о формах собственности у кочевников и на основе этого о государстве и государственности казахского народа. И хоть дискуссии о формах собственности еще продолжались некоторое время, тем не менее, в исторической науке, утвердился тезис о господстве «феодалной собственности на землю» в кочевом обществе. Исходя из этого теоретико-методологического посыла, в науке окончательно утвердилась практика априори причислять все зажиточные слои общества к классу эксплуататоров-феодалов, с которым предстояло бороться народным массам.

Еще одна дискуссия 1950-х гг. коренным образом повлияла на теоретико-методологическое содержание и характер работ советских исследователей. Речь идет о повороте в оценке завоевательной политики Российской империи, который был сделан в начале 1950-х гг., когда в своей статье профессор М.В. Нечкина поставила вопрос о правомерности применения формулы «наименьшее зло» при оценке присоединения окраинных народов к империи. Перед учеными была поставлена непростая задача отделить «реакционные» силы от «прогрессивных». Причем главным критерием стало не столько их участие или противодействие присоединению к России, сколько поддержка или препятствование установлению

советской власти в Казахстане, союз с рабочим классом, т. е. 1917 г. стал своего рода маркером, «весами», на чашах которых располагались, в зависимости от материального положения, политических убеждений, социальной принадлежности те или другие силы общества. В этом контексте, все враждебные советской власти или выступавшие против присоединения к России политические и социальные силы были причислены к «врагам народа», их характеристика стала носить открыто негативный оттенок.

Третий раздел главы посвящен анализу теоретико-методологического поиска современной историографии. Рубеж 1980-х – 1990-х гг. стал временем распада советской империи и образования суверенных государств. В этот период научное сообщество как России, так и Казахстана стало проявлять интерес к национальной истории, выявлять лакуны, которые требовали заполнения после распада СССР, по-новому осмысливать накопленный научно-исследовательский опыт и давать оценку многим явлениям исторического прошлого.

В проблематику исследований российские специалисты поставили задачи выявления общей логики формирования, эволюции и распада империй, раскрытия ее зависимости от региональных особенностей, изучения отношений «центр и периферия», национальных и конфессиональных отношений, едва ли не главной проблемы всякой империи и другие вопросы. Отличительным свойством работ явился компаративный анализ систем управления, трансформации традиционных институтов, взаимодействия и взаимоотношений центра и периферии, асимметричности административно-политических и правовых структур. Эти и другие вопросы стали активно изучаться учеными в контексте многих подходов (эволюционистский, цивилизационный, конструктивистский и т. д.) истории империй. Общим мнением стало утверждение, что «необходимо критическое осмысление своей истории, в том числе и своих отношений с соседями. Именно здесь лежат исторические корни того кризиса понимания и доверия, который так характерен для отношений современной России с ее соседями. Каждой стороне предстоит пройти свою часть пути к преодолению этого кризиса»²⁴.

---

²⁴ Северный Кавказ в составе Российской империи / Отв. ред. Д.Ю. Арапов, И.Л. Бабич, В.О. Бобровников и др. М.: Новое литературное обозрение, 2007. С. 9.

Нужно отметить, что «модная» имперская тематика в казахстанской историографии не является объектом столь пристального изучения, как в России. И если в современной России реформаторские преобразования империи в Степи рассматриваются как модернизационные процессы, то в Казахстане подавляющее большинство исследователей склонны видеть в них изменения, приведшие к потере идентичности, традиционности, к появлению чувства культурной травмы из-за колониальной зависимости и реформ империи. К сожалению, сторонники как имперского, так и колониального дискурса зачастую стараются переубедить друг друга, чем пойти на компромисс и признать положительные и отрицательные стороны процесса.

В Казахстане в основу многих исследований положен цивилизационный подход, служивший обоснованию концепции существования на территории Казахстана степной цивилизации кочевников. Именно этот подход применяется исследователями при изучении института биев – одному из органов политико-потестарных отношений в Казахской степи.

Вторая глава **«Дореволюционная российская историография института биев: от констатирующего нарратива к практическому востоковедению»** состоит из двух разделов. В первом параграфе предметом исследования стали вопросы о происхождении и реформировании правовой системы казахов. Присоединение части казахских земель в XVIII – начале XIX вв. поставило перед российским правительством решение вопросов управления и поддержания порядка, которые выделялись в дифференцированном подходе к местным институтам правосудия. Насколько этот процесс был неоднозначным и как видели будущее суда биев сторонники различных общественно-политических взглядов можно проследить по дискуссиям, затронувшим проблемы судебной системы казахов.

Например, одна группа исследователей считала, что авторитет биев определялся силой поддержки, которую они получали за судебную деятельность со стороны народа, выбор которого мог быть постоянным, если бий как судья отвечал требованиям общинников, и переменчивым, если судебная практика бия вызывала сомнения и недоверие, т. е. основным критерием признания обществом бия служили его юридические познания и красноречие, справедливость,

природный ум и душевные качества²⁵. Другая группа авторов полагала, что сила, богатство и родословная являлись определяющими критериями при выборе общиной бия²⁶.

Полемика среди исследователей о принципах древнего суда биев привела к формированию в историографии двух подходов по проблемам реформирования соционормативного поля казахов – либерального и консервативного государственнического. Согласно взглядам сторонников либерального подхода правовое унифицирование российского общества необходимо было провести в самые кратчайшие сроки. Они, в контексте «окультуривания» окраинных народов, видели будущее России как просвещенной, цивилизованной империи, поэтому политика правительства на постепенное, в обозримом будущем инклюзивное распространение общего права вызывало возмущение и жесткую критику. Гетерогенность правового пространства империи мешала созданию универсальных правовых ценностей, которые должны были стать неотъемлемой частью гражданского общества, каковым они видели в ближайшей перспективе Россию. Поэтому не удивительно, что особое негодование либералов вызывал суд биев²⁷. Не жалея красок они рисовали его неким архетипом, мешавшим народу порвать с «диким», «варварским» состоянием и двигаться вперед – к просвещенному обществу. Веским доказательством дискредитации суда биев в глазах кочевников явилась выборная система, приведшая к подкупам и разным мошенничествам. В полемически заостренной форме общее отношение либералов к местному суду выразил А. Зуев: «Это не суд, а зуд народный» или «возмутительный палеонтологический остаток, вредный пережиток варварской эпохи»²⁸.

Их оппонентами были сторонники использования практики правового плюрализма, которая позволила бы без ущерба для обеих сторон создать единое соционормативное имперское пространство. Помимо доводов в пользу сохранения

---

²⁵ Григорьев В.В. О скифском народе саках. СПб.: Типография Имп. Академии Наук, 1871; Гейнс А.К. Киргизские очерки // Военный сборник. СПб., 1866. Т. XLVII. № 1. С. 145–179; и др.

²⁶ Добросмыслов А.И. Суд у киргиз Тургайской области в XVIII и XIX вв. Казань: Типо-литография Императорского Казанского университета, 1904; и др.

²⁷ Дингельштедт Н. Судебное преобразование в Туркестане // Журнал гражданского и уголовного права. 1892. Кн. 7; Отчет по ревизии Туркестанского края, произведенной по Высочайшему повелению сенатором гофмейстером графом К.К. Паленом. Народные суды Туркестанского края. СПб.: Сенатская типография, 1909; и др.

²⁸ Зуев А. Киргизский народный суд // Журнал Министерства юстиции. 1907. № 10. С. 161.

суда биев, некоторые исследователи предлагали обновление его, приемлемые формы существования, вплоть до его «простых», «родовых» (третейских) форм²⁹. Они исходили из того, что рассмотрение семейных и внутриродовых споров будет отвечать, с одной стороны, потребностям кочевого общества, с другой – объединять власть и население, путем создания у последних нормативного сознания и чувства общественной причастности к империи.

В дискуссиях приняли участие и казахские ученые-просветители (Ч. Валиханов, И. Алтынсарин, А. Кунанбаев). Понимание, с одной стороны, неизбежности доминирования империи над собственным народом, с другой – желание вывести его через русскую культуру к достижениям европейской цивилизации, подталкивало интеллигенцию к поиску таких форм взаимодействия казахского и «русского» социальных полей, в рамках которых казахи смогли бы стать более просвещенными, но при этом не раствориться в пространстве империи. К примеру, Ч.Ч. Валиханов был убежден, что «реформы же насильственные, привитые, основанные на отвлеченных теориях или же взятые из жизни другого народа, составляли до сих пор для человечества величайшее бедствие»³⁰.

Полемика по поводу судебной реформы в Степи была длительной, охватила все социальные слои и грани социальной общественной мысли. Это был диалог центра и периферии. Архивные материалы показывают, что именно периферия в виде рапортов, комментариев, отчетов и записок представителей власти и общественности подготавливала возможные варианты реформирования правовой культуры казахов³¹. Конечно, процесс инкорпорации империей местного права так и не был до конца спланирован и продуман, шла борьба различных проектов и она отражала, в том числе, спор центральных и региональных властей.

К примеру, если чиновники окраинных регионов предлагали, исходя из практического опыта работы и знания местной политико-правовой обстановки,

---

²⁹ Идаров С.А. Киргизская степь Сибирского ведомства и новоучрежденная в ней Семипалатинская область. СПб., 1854; Герн фон В.К. Характер и нравы казахов (Этнографические заметки) // Коммен. предисл. и ред. Ж.О. Артыкбаева. Караганда: ТОО «Номад и Ко», 1995; и др.

³⁰ Валиханов Ч.Ч. Записка о судебной реформе (1864 г.) // Древний мир права казахов. Материалы, документы и исследования. В 10-ти т. Т. 6. Алматы: Жеті жарғы, 2005. С. 41.

³¹ РГИА. Ф. 1683. Оп. 1. Д. 20. Л. 25; ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3277. Л. 127–127 об.; РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 613. Л. 17 об, 18–18 об.; др.

постепенное претворение идей цивилизованного изменения нормативного поля кочевников, то имперская власть в «центре» на этот процесс смотрела иначе.

Конец дискуссиям о будущем местных правовых практик в определенной степени положило письмо министра внутренних дел Н.А. Маклакова на имя министра юстиции И.Г. Щегловитова в 1913 г., в котором, в частности, отмечалось: «...я не решаюсь, однако на полную замену народного суда судом коронным, как потому, что при таком разрешении настоящего вопроса в степных областях могло бы создаться резкое различие в устройстве низших степеней суда, так и в виду тех осложнений, какие могли бы возникнуть для коронного суда при рассмотрении дел между крестьянами и инородческим населением. <Поэтому> не упраздняя Народный суд, лишь преобразовать его соответственно с потребностями жизни»³².

Причину сохранения местной правовой практики в XIX вв. можно также объяснить тем, что правительство было обеспокоено усилением позиций шариата в крае. Отношение властей к шариату можно выразить словами знатока адата Н. Максимова, говорившего, что адат «продукт жизненный и способный развиваться при дальнейшем развитии народного кругозора. Шариат, имея основой неподвижный Коран, заключающий в себе альфа и омегу мусульманской мудрости, есть материал мертвый, ни к развитию, ни к уступкам неспособный, а к тому же непримиримо враждебный гяуру, т. е. всякому христианину»³³.

Поэтому выбирая местные правовые практики, имперская власть отдавала предпочтение судам по адату, а нормы шариата старалась постепенно вытеснить. Однако сказанное не говорит о полном исчезновении шариата из судебной практики кочевников. К такому выводу можно прийти на основе анализа полемики, которая развернулась в казахском обществе в начале XX в.³⁴

Бурные революционные события (1905–1907 гг. и 1917 г.) стали временем активного политического поиска новых идей и государственных форм, приведшие к оформлению прослойки людей, которую стали называть национальной

---

³² РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 181. Л. 330.

³³ Максимов Н. Народный суд у киргизов // Журнал юридического общества. 1897. Кн. 8. С. 64.

³⁴ Султангазин Д. Власть казахов в прежние времена // Дала уалаяты. 1888. № 51; Единство тюрков. 1992. № 1; Марсеков Р. Сайлау и его вредные последствия // Киргизская степная газета. 1899. 28 ноября; ЦГА РУз. И-1. Оп. 27. Д. 1222а. Л. 13–20 об.

интеллигенцией³⁵. Ядро интеллигенции составляла хорошо образованная ее часть, соединявшая в своих взглядах уважение и знание традиционных общественных норм, социальных институтов и широкий либерализм, стремление к модернизации общества с учетом национальной специфики. Одним из примеров активной политической позиции стала выработка идей и проектов относительно суда биев, к этому времени переживавшего глубокую трансформацию. Местный суд в ходе инклюзивных реформ был редуцирован, изменился профессиональный и моральный облик судей, но самое главное – изменилось отношение к нему общества. Поэтому закономерно, что интеллигенция, в поиске форм национальной идентичности, подняла вопрос о судьбе данного суда – одна группа выступала в защиту шариатского суда³⁶, другая – признавала суд биев в качестве необходимой правовой практики в будущей национальной автономии³⁷.

Во втором разделе рассматривается роль суда биев как инструмента по урегулированию конфликтов в степи. Интерес к адату и суду биев, возникший со стороны российского правительства в XVIII в., не угас даже после окончательного присоединения степей к Российской империи во второй половине XIX в. и включения местных судов в низшую ступень судоустройства Степи по имперскому законодательству. Причину повышенного внимания к биям во многом можно объяснить тем, что бии оставались, несмотря на значительное сужение их компетенций в результате проводимых в крае реформ, одной из основных фигур в казахском социокультурном поле.

Хотя дореволюционные нарративы и отмечали, что казахи «любили» судиться, но при этом указывали, что многие споры заканчивались досудебными процедурами, в первую очередь – мировым соглашением между конфликтующими сторонами, которое и являлось главной целью суда биев. Общее отношение к суду биев, господствовавшее в среде региональных властей, можно выразить словами чиновника Оренбургской пограничной комиссии Ф. Лазаревского, писавшего: «От

---

³⁵ Подробнее см.: Аманжолова Д.А. Казахский автономизм и Россия. История движения «Алаш». М.: Россия молодая, 1994.

³⁶ Шардай Қарасарт баласы. Тағы да қазақ дауы, би һәм билік // Айқап. 1914. № 10; Шәкәрім. Би һәм билік туралы // Қазақ газеті. 1914. № 165; и др.

³⁷ Бөкейханов Ә. Тағы да би һәм билік / Құраст.: М. Қойгелдиев. Алматы, 1994. С. 167–168; Букейханов А. Бии и власть // Избранное. Алматы, 1995; и др.

управления бия, сколько я могу понимать степи, можно ожидать в ней более порядка, спокойствия и народного благосостояния»³⁸.

Исследователи отмечали, что при разрешении судебных споров бии применяли различные эксперименты, исследования, требовавшие особых знаний. Намного позже эта практика трансформировалась в процессуальном законодательстве в специальные приемы из области криминалистики, судебной экспертизы и т. п. Дореволюционные исследователи верно подметили целый ряд особенностей казахского суда: открытость, гласность, быстрота, публичность и т. п., которые в целом обеспечивали стабильность кочевой жизни казахов³⁹. Вместе с тем, исследователи казахского общества, перенося традиции русской жизни на казахов, преувеличивали незрелость общественного устройства кочевников, отсюда отношение к адату, в основу которого был положен принцип коллективности, как к первобытному, родовому праву.

В центре внимания третьей главы **«Метаморфозы советской историографии: от вовлечения в государственное строительство до признания классовым врагом»** стали вопросы историографических дискурсов и нарративов в отношении института биев: дискуссии о его доклассовой и классовой сущности, роли биев в национально-освободительных движениях казахов, форм и методов эксплуатации ими простых кочевников.

Накануне установления советской власти суд биев, несмотря на практику реформирования со стороны Российского правительства в XIX в., оставался тем инструментом, который доминировал в Степи и доказывал возможность взаимодействия российского права и адата в контексте правового плюрализма. Поворот в отношении государства к местному праву связан с установлением советской власти на просторах бывшей Российской империи. Советская власть на первых порах действовала во многом в русле опыта империи, что выражалось в нейтральном отношении к обычно-правовым институтам и закреплении смешанного адатно-советского законодательства. Суд биев (аксакальский суд) приобрел статус официального судебного органа. Архивные материалы позволяют

---

³⁸ РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 222. Л. 7.

³⁹ Броневский С.Б. О киргиз-кайсаках Средней Орды. Ч. 43. 1830; Д'Андре. Описание киргизских обычаев, имеющих в силу закона // Материалы по казахскому обычному праву. Сб. 1. Алматы: Жалын, 1998; и др.

утверждать, что после победы большевиков в гражданской войне, начинается решительный поворот в отношении бийских судов: советская власть увидела в них опасную для себя политическую силу. Поэтому разворачивается планомерная борьба с аксакальскими судами, приведшая в конце 1920-х гг. к их полному упразднению.

В 1920-е гг., период становления марксистской исторической науки, когда ленинские методологические установки и оценки исторических явлений еще не утвердились, допускалась определенная вольность в исторических исследованиях. В науке наблюдался определенный плюрализм научных мнений. В отношении нашей проблемы он вылился в спор о характере общественных отношений у казахов в предреволюционную и советскую эпоху, шла дискуссия о различиях между сословными стратами и их ролью в жизни общества. Именно в эти годы в науке возникает дискуссия об общественных отношениях среди казахов досоветского времени: эти отношения трактовались, с одной стороны, как родовые, доклассовые, а с другой – как феодальные, подразумевающие классовое деление общества. Так, одна группа ученых-исследователей (А.П. Чулошников, А.Ф. Рязанов, В.Г. Соколовский и др.) была твердо убеждена в том, что родовое общество казахов было построено не по классовому принципу, а по родовому⁴⁰. Все противоречия, возникавшие в коллективе кочевников, старались разрешить традиционными институтами патриархально-родового общества – хранителями родовых традиций биями и аксакалами. Оппонентами сторонников родовой теории в дискуссии об общественном строе казахов стали приверженцы классовой природы общества (П. Погорельский, В. Батраков, С. Асфендиаров, Г. Тогжанов и др.)⁴¹. По мнению этих ученых, социальная организация казахов в дооктябрьский период имела ярко выраженную классовую структуру и была разделена на два противостоящих лагеря – феодалов и рядовых кочевников. К первым ученые относили хана, батыров, баев, ходжей и, конечно, биев, которые представляли «зародыш государственного аппарата».

---

⁴⁰ Соколовский В.Г. Казакский аул. Ташкент: КазЦСУ, 1926; Чулошников А.П. К истории феодальных отношений в Казахстане в XVII–XVIII вв. // Известия АН СССР. Отделение общественных наук. 1936. № 3; и др.

⁴¹ Погорельский П., Батраков В. Экономика кочевого аула Киргизстана. М.: Издание Совнаркома К.А.С.С.Р., 1930; Асфендиаров С.Д. История Казакстана (с древнейших времен). Т. 1. Алма-Ата: Казакстанское краевое издательство, 1935; и др.

С середины 1930-х гг. идея о единстве феодализма для всех народов вне зависимости от форм собственности стала на долгие годы доминирующей в марксистской историографии. С этого времени в науке утверждается классовый подход, призванный объяснять все события прошлого. В контексте этого дискурса одной из приоритетных тем становится проблематика освободительных движений казахов. Появляется немало работ ученых (М.П. Вяткин, Е.Б. Бекмаханов и др.), в которых предпринимаются попытки раскрыть закономерности причин и хода народных выступлений, выявить социальный состав участников, цели и задачи каждой политической силы⁴². При исследовании движений казахов ученые столкнулись с рядом трудно разрешимых задач, в первую очередь с тем, что руководителями выступлений являлись бии – представители привилегированной и зажиточной группы, а между тем, ученые при характеристике выступлений называют их антиколониальными и антифеодальными, прогрессивными. Такая трактовка учеными выступлений казахов стала объектом массивной критики.

Жесткой критике подверглись и работы юристов, перед которыми партийные «советы» ставили задачу смены дискурса в отношении обычного права – им предстояло показать нормы адатного права в контексте правовой практики, защищающей интересы только эксплуататорского класса. Неудивительно, что в фундаментальных работах юристов (Т.М. Культелеева, С.Л. Фукса, С.В. Юшкова и др.) в качестве теоретико-методологической базы исследований стали произведения классиков марксизма-ленинизма и документы ВКП(б) и КПСС⁴³. Идеологическая заданность, довлевшая над работами по социальной и политической истории, не позволяла ученым проявлять научный плюрализм в исследованиях. Поэтому вполне закономерно, что в работах по истории казахского суда бии характеризовались как класс феодалов, «враги революции», «реакционная верхушка».

Интерес к тематике народных героев в этот период проявляли не только историки, юристы, но и литературоведы. Особо внимание ученых привлекло

---

⁴² Вяткин М.П. Батыр Срым. М.; Л.: АН СССР, 1947; Бекмаханов Е.Б. Казахстан в 20–40-е годы XIX века / Под общ. ред. докт. ист. наук проф. М.П. Вяткина. Алма-Ата, 1947; и др.

⁴³ Юшков С.В. История государства и права СССР. Изд. 2-е, доп. и перераб. Ч. 1. М.: Юриздат, 1947; Фукс С.Л. Обычное право казахов в XVIII – первой половине XIX века. Алма-Ата: «Наука» КазССР, 1981; и др.

эпическое наследие, которое рассматривалось ими как сохранившаяся социальная память народа. Углубленная разработка этого направления связана с именами таких видных советских ученых, как М.О. Ауэзов, М. Габдуллин, В.М. Жирмунский, А.Х. Маргулан и др.⁴⁴. Ученые обратились к изучению роли и места в культуре народа героических поэм-былин, в которых исторические события, переплетаясь с народным вымыслом, рисовали образы сказочных героев – выразителей народной воли, покорителей чужих стран, защитников от внешней угрозы. В казахском героическом эпосе также значительное место уделено народным героям – известным казахским ханам и родовым лидерам, руководителям народных выступлений. Особенно популярен в казахском фольклоре был образ Едиге-батыра, авторитетного бия-правителя Золотой Орды, превратившегося в сакрализованного героя прошлого⁴⁵. В работах литературоведов, изучавших устное народное творчество, центральное место занимала фигура былинного богатыря-героя, который сохранился в социальной памяти народа как олицетворение всех его лучших качеств. Он – борец, защитник, патриот. Стоит добавить, что главный персонаж былин и исторических песен, которому посвятили свои научные исследования ученые, имел вполне определенный классовый статус – бий Едиге, бий и старшина Жангожа, бий Срым Датов, батыры Бекет, Каракерей Кабамбай, Канжигалы Богембай, хан Аблай – все они представители класса «эксплуататоров», так ярко воспеваемые в устных памятниках старины.

Интерес представляет тот факт, что в условиях тоталитарного режима, когда в советском обществе культивировались идеи создания всеобщей «советскости» (особенно после победы в Великой Отечественной войне), в республиках возрастал интерес к духовному этническому прошлому, как проявление инстинкта национального самосохранения, как негласное противодействие официальному курсу на то, чтобы затушевать историческую память народа.

---

⁴⁴ Баталов М., Сильченко М. Очерки по казахскому фольклору и казахской литературы. Алма-Ата: Казахское краевое издательство, 1933; Ауэзов М., Соболев Л. Эпос и фольклор казахского народа // Литературный критик. 1939. № 10–11. С. 210–233; Орлов А.С. Казахский героический эпос. М.: АН СССР. 1945; и др.

⁴⁵ Сатпаев К.И. Ер Едиге. М.: б.и., 1927; Ауэзов М.О., Соболев Л. Эпос и фольклор казахского народа // Литературный критик. 1940. № 1. С. 171; Орлов А.С. Казахский героический эпос. М.; Л.: АН СССР, 1945; и др.

Однако известные постановления ЦК КП(б) Казахстана «О подготовке второго издания “Истории Казахской ССР” (14 августа 1945 г.)⁴⁶, «О грубых политических ошибках в работе Института языка и литературы Академии наук Казахской ССР»⁴⁷ подвергли работы ученых массовой критике.

Огульные обвинения, показательные осуждения «политически невыдержанных» исследований с участием ответственных партийных работников, наклеивание необоснованных ярлыков, конечно же, не могли не привести к морально-психологическому дискомфорту, естественной обиде, появлению чувства научной неполноценности, невостребованности среди целой плеяды замечательных ученых.

В результате таких кампаний начинают появляться стандартизированные работы о «добровольном присоединении к России». Однако сказанное не означает, что авторам не удавалось, несмотря на идеологические клише, создавать полноценные исследования, не потерявшие научной привлекательности и сегодня. Советская историография 1930–1950-х гг. смогла определить и решить целый комплекс проблем, в том числе, исследовать один из таких трудных для теоретического осмысления явлений, как народные движения. Труды А.Н. Панкратовой, М.П. Вяткина, Е.Б. Бекмаханова и др. и сегодня являются лучшими в этом вопросе и лишней раз доказывают высочайшую квалификацию ученых, их желание сохранить академичность, научность подходов. Положение ученых в исследовании истории движений можно и сегодня назвать монопольным, а уровень работ непревзойденным.

В 1950-е – 1980-е годы вектор научных исследований по-прежнему был направлен на теоретико-идеологическое обоснование классового и формационного подхода при исследовании исторического прошлого. В Казахстане, как во всем Советском Союзе основное внимание ученых было сосредоточено на изучении истории трудовых подвигов советского народа, целинной кампании, истории коммунистической партии. Наряду с этими вопросами после XX съезда КПСС в

---

⁴⁶ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 9-е, доп. и испр. Т. 7. М.: Политиздат, 1985. С. 513–520, 539–543; В ЦК КП(б) Казахстана. О подготовке 2-го издания «Истории Казахской ССР» // Большевик Казахстана. 1945. № 6. С. 49–51.

⁴⁷ О грубых политических ошибках в работе Института языка и литературы Академии наук Казахской ССР // Большевик Казахстана. 1947. № 1. С. 48–52.

науке все же активизировалась полемика по конкретно-историческим вопросам, в которой слышались отголоски прежних научных баталий.

Одна из таких дискуссий развернулась в середине 1950-х гг. по вопросу об основе феодальных отношений у кочевых народов. Спор о формах собственности у кочевников включал широкий спектр вопросов: здесь и отношения между различными в материальном плане слоями общества, которые можно было интерпретировать по-разному – эксплуатация богатыми бедных скотоводов или взаимная родовая помощь; и вопросы типологии государственных образований – предклассовое общество или развитые формы классового государства; и специфика отношений между кочевниками-завоевателями и покоренным кочевым и оседлым населением; другие проблемы, исследования которых начались именно в эти годы. Пристальное внимание к подобной тематике можно объяснить тем, что изучение форм собственности выводило на узловое направление отечественной исторической науки – освободительное движение как выражение «непримиримой классовой борьбы» в обществе.

В диссертации мы остановились на анализе мнений по вопросу о социальных отношениях, вытекающих из форм собственности, т. к. именно на этой основе формировались оценки и конкретных социальных институтов. Так, одна группа ученых (С.Е. Толыбеков, В.Ф. Шахматов и др.) уверенно утверждала, что основой феодализма у номадов была частная собственность на скот (назовем их условно сторонниками «скотовладельческой» теории)⁴⁸. Сторонники этой теории утверждали, что казахское общество XV–XVIII вв. являлось полуфеодальным и характеризовалось патриархально-феодальными отношениями (переходными). Основное отличие институтов управления в казахской общине от земледельческой, где эти институты получили ярко выраженное классовое оформление, состояло в том, что отношения «эксплуатации» со стороны биев не носили характера «классического» подавления одной частью общества другой, они были вплетены в потестарно-родовые институты, контролируемые обычным правом и племенной

---

⁴⁸ Толыбеков С.Е. О сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов // Вопросы истории. 1955. № 1; Шахматов В.Ф. Казахская пастбищно-кочевая община (Вопросы образования, эволюции и разложения). Алма-Ата: АН КазССР, 1964; Толыбеков С.Е. Кочевое общество казахов в XVII – начале XX веков. Алма-Ата: Наука, 1971; и др.

организацией общества. Их оппонентами являлась целая группа известных ученых, таких как Л.П. Потапов, С.З. Зиманов, И.Я. Златкин, А.Е. Еренов и др., которые уверенно заявляли о господстве среди кочевников феодальной собственности на землю (сторонники «землевладельческой» теории) и общих закономерностях социального развития обществ с разными типами хозяйственной деятельности⁴⁹. Сторонники этой теории отстаивали концепцию развитых классовых отношений у кочевников-казахов, выражавшихся в разных формах повинностей: отработочной ренты и продуктовой повинности в пользу биев-«эксплуататоров». В последующие годы (1970-е – 1980-е гг.) в советской исторической науке закрепились именно точка зрения о праве феодальной собственности на землю.

Последняя, четвертая глава – **«Современная российская и казахстанская историография: ревизия прошлых и поиск новых концептуальных подходов»** посвящена анализу вопросов, ставших дискуссионными в современной историографии: генезис суда биев; развитие суда биев и его характерные особенности; соискатели на звание бия; «золотой век» правосудия в казахском праве; суд биев в пореформенный период; суд биев в советское время; проблема аксакальских судов на современном этапе.

Одним из дискуссионных вопросов в современной историографии стала проблема возникновения института биев в казахском обществе. Так, одна группа ученых убеждена, что бии как социально-правовой институт возник в доказахском обществе (С.З. Зиманов, А.И. Оразбаева, Р.Ю. Почекаев и др.), поскольку по их мнению казахское право намного старше самих казахов как этнической общности и Казахского ханства как государства⁵⁰. С этим положением не согласен видный ученый В.А. Моисеев, связывающий появление этого института с законодательной деятельностью Тауке хана⁵¹.

---

⁴⁹ Зиманов С.З. Политический строй Казахстана конца XVIII и первой половины XIX веков. Алма-Ата: АН КазССР, 1960; Еренов А.Е. Очерки по истории феодальных земельных отношений у казахов. Алма-Ата: АН КазССР, 1961; и др.

⁵⁰ Оразбаева А.И. Қазақ қоғамындағы билер институты: тарихи бастаулары, орны және ролі (XVIII). Алматы, 1998; Почекаев Р.Ю. Обычай и закон в праве кочевников Центральной Азии (после империи Чингисхана) // Право в зеркале жизни. Исследования по юридической антропологии. М.: Издательский дом «Стратегия», 2006; и др.

⁵¹ Моисеев В.А. К вопросу о государственности у казахов накануне и в начальный период присоединения Казахстана к России // Восток. 1995. № 4.

В современной казахстанской историографии широко стали использоваться данные шежиры, что значительно обогатило нарративный арсенал исследователей. Казахское право, как известно, имело длительный период устной фиксации правовых знаний. Бии были не только толкователями норм права, но и их хранителями: из поколения в поколение они передавали накопленный опыт и знания. Последние данные этнологии и других гуманитарных наук позволили ученым показать инстанционный принцип устройства бийского суда (его разделение на высшие и низовые), что явилось новым направлением в изучении института бийства⁵². Это тем более актуально, поскольку ни в дореволюционной российской, ни в советской историографии структура бийской власти не являлась предметом специального изучения. Материалы исследований позволили проследить структурную организацию бийства и атрибуты, сопровождающие этот институт: бии были разные по сфере влияния и власти и занимали различные уровни судебной иерархии – от аульных биев до биев, могущество которых простиралось на жузы, улусы (бала би, катар би, жеке би, ата би, төтен би, төбе би). Переход с одной ступени на другую сопровождался определенными символическими актами (признание бия обществом, получение бата и т. д.), позволявшими биям раздвигать границы своего влияния. По сути эти акты являлись необходимым условием для признания кочевым обществом статуса бия, без которого будущее бия как судьи было невозможным.

Спорным среди современных ученых является вопрос о преемственности бийского звания в казахской среде. По мнению некоторых ученых (А.И. Оразбаева, Л. Ауэзова и др.) бийский институт имеет наследственные корни, которые позволяли передавать аккумулированные знания внутри одной социальной группы⁵³. Настоящим бием мог стать только тот, кто вышел непосредственно из этой социальной группы, где накопление знаний происходило естественным путем, от отца к сыну.

---

⁵² Еламанов Қ. Билердің құрылымдық жүйесі. Шаңырақ пен Пырақ. Алматы: Жеті жарғы, 1999; Хайдаров Б.Б. Би билігінің танылуының заңи қыры // ҚазҰУ хабаршысы. Заң сериясы. 2008. № 4(28); и др.

⁵³ Ауэзова Л. История Казахстана в творчестве М. Ауэзова. Учебное пособие. Алматы: Санат, 1997; Оразбаева А.И. Қазақ қоғамындағы билер институты: тарихи бастаулары, орны және ролі (XVIII ғасыр): тарих ғылым. канд. ... дис. Алматы, 1998; и др.

Их оппоненты (К.А. Алимжан, А.А. Никишенков и др.) полагают, что бий – не наследственное звание, его добиваются⁵⁴. Кандидат, претендующий на звание бия должен обладать не только природными задатками, но иметь глубокий развитый аналитический ум, обширные знания; владеть искусством красноречия, уметь использовать богатство казахского языка, иметь полемические способности, проявлять рассудительность и находчивость при возникновении прецедентных ситуаций; его весомое слово призвано было останавливать конфликты и примирять стороны; быть знатоком истории своего народа, знать родовые шежиры и использовать эти знания при определении меры и сроков наказания.

Следует отметить еще одну дискуссионную проблематику по истории бийства, которую в свою время поднял академик С.З. Зиманов – был ли действительно «золотой век» правосудия и законности на древней земле казахов, о котором нередко упоминали в своих работах крупные дореволюционные ученые А.И. Левшин, Ч.Ч. Валиханов и другие? По мнению академика и его сторонников «золотой век» бийского правосудия приходится на правление Тауке хана (1680–1715/18). Именно в это время суд биев в силу своей нравственности и демократичности был народным, а значит, являлся судебной системой общецивилизационного значения⁵⁵. Однако не все исследователи придерживаются данной научной позиции. Мнение определенной части гуманитарной интеллигенции Казахстана выразил известный казахский писатель, знаток традиционного нарратива казахов Мухтар Магауин. Ученый связывает причины превращения Казахского ханства в «слабеющую и рыхлую структуру» из-за прихода к власти биев и баев⁵⁶.

Сравнительный анализ показывает, что в историографии дискуссионным стал вопрос о полномочиях бийского института в казахском обществе. Одни ученые (Д.Д. Бажиров, С.Г. Кляшторный, Т.И. Султанов и др.) утверждают, что бии в качестве родовых предводителей решали вопросы, охватывающие все сферы

---

⁵⁴ Алимжан К. Суд биев как институт обычного права. М.: Мысль, 1999; Степной закон. Обычное право казахов, киргизов и туркмен / Сост., автор вступ. статьи, коммент. и глоссария А.А. Никишенков; под общ. ред. Ю.И. Семенова. М.: Старый сад, 2000; и др.

⁵⁵ Зиманов С.З. Казахский суд биев – уникальная судебная система. Алматы: Атамұра, 2008; Әлдибеков Ж.С. Қазақстанның XVII ғасырдың соңғы ширегі – XVIII ғасырдың алғашқы жартысындағы саяси-құқықтық қалыптасуы және дамуының тарихи-теориялық мәселелері: заң ғылым. докт. ... дис. Астана, 2010; и др.

⁵⁶ Магауин М. Азбука казахской истории: документальное повествование. Алматы: Қазақстан, 1997. С. 77.

жизнеустойчивости кочевого организма, т. е. обладали достаточно широкими полномочиями, включая роль распорядителя и управителя общиной⁵⁷; другие (С.З. Зиманов, И.В. Ерофеева и др.) – склонны видеть в биях только судебных вершителей, которые ограничивали поле своей деятельности правовой функцией⁵⁸. Решая межродовые и межклановые споры, бии приобретали немалый вес и могущество в кочевом обществе, что позволяло им воздействовать на верховную власть.

В последние годы активизировались исследования в области культурного наследия биев. Ученые (Б. Адамбаев, Д.К. Кшибеков, Б. Ахан и др.) считают, что творчество биев формирует в этническом самосознании представления о своем народе (этноархетипы), его происхождении, родословной родов и племен, их взаимосвязи, историческом прошлом, традициях, нормах обычного права, единые стереотипы поведения⁵⁹. Исследователи уверены, что наследие биев имманентно обладает способностью аккумулировать богатейшие знания о мире и передавать эти знания другим поколениям.

Значительное количество работ посвящено анализу политико-правовых реформ XIX в., цель которых – максимально возможная адаптация традиционного общества казахов к общеимперской системе управления. Реформы затронули все стороны жизни степняков и ко второй половине XIX в. начали менять кочевую структуру общества. Компаративный анализ показал, что исследователи по-разному интерпретируют цели и задачи метрополии в крае, итоги реформ также получают различную оценку. В целом исследователей истории института бийства в пореформенный период можно условно поделить на две группы: тех, кто считает, что реформы XIX в. в некоторой степени были преждевременными, где-то непродуманными, что они отрицательно сказались на институте биев, который являлся одним из основных общественно-правовых институтов, что, в конечном

---

⁵⁷ Бажиров Д.Д. Материальное производство и социальная структура кочевников Центрального Казахстана (конец XVIII – первая половина XIX века): дис. ... канд. ист. наук. М., 1990; Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Казахстан. Летопись трех тысячелетий. Алма-Ата: Рауан, 1992; Омарханов Қ. Дәстүрлі құқықтағы билер соты. 2 кітап. Алматы, 2008. и др.

⁵⁸ Ерофеева И.В. Хан Абулхаир: полководец, правитель и политик. Алматы: Санат, 1999; Зиманов С.З. Казахский суд биев...; и др.

⁵⁹ Кшибеков Д.К. Казахский менталитет: вчера, сегодня, завтра. Алматы, 1999; Ахан Б. Философия биев: Монография. Уфа: РИО БашГУ, 2003; Адамбаев Б. Казахское народное ораторское искусство. Алматы: Ана тілі, 2007; и др.

итоге, привело к его трансформации и упадку (М.Т. Баяндаров, Е.В. Безвиконная, С. Узбекулы и др.)⁶⁰; и тех, кто полагает, что реформы империи в крае – необходимая реальность, которая позволила казахскому краю включиться в орбиту капиталистических отношений России, в которых традиционное обычное право закономерно должно было уступить место мировым судам общеимперского образца (С.С. Колдыбаева, А.Л. Салиев и др.)⁶¹.

Несмотря на проводимые Российской империей мероприятия по трансформации обычно-правовых институтов, а также решительные действия советской власти по их ликвидации, все без исключения исследователи бийского суда отмечали преэминентность социальных основ суда биев в XX столетии, определяющей роли авторитетного мнения в повседневной жизни казахов и даже обычных правовых норм. К такому выводу можно прийти на основании работ российских исследователей (Е.И. Ларина, О.Б. Наумова, В.В. Бочаров и др.), в которых, наряду с общими вопросами этнокультурной жизни российских казахов, рассматриваются проблемы народного самоуправления в виде советов аксакалов, ставших своего рода восприемниками не только органов самоуправления советского периода (советов ветеранов, женсоветов и т. д.), но и отчасти судов биев⁶². Работы интересны тем, что они основаны на сведениях информаторов, поэтому выводы и положения авторов заслуживают научного внимания сообщества.

Изучением традиционных институтов кочевников занимались исследователи, представляющие самые разные научные школы с широкой географией. На протяжении долгого времени кочевые общества неизменно привлекали внимание современников и исследователей как Востока, так и Запада. В западноевропейской и американской историографии проблемы в целом сложились два основных нарратива при освещении истории империи, в том числе казахско-русских

---

⁶⁰ Баяндаров М.Т. Основные черты и особенности судебно-правовой реформы 1898 года в Казахстане: дис. ... канд. юрид. наук. Алматы, 2001; Узбекулы С. Право кочевой цивилизации казахов. Алматы: Мектеп, 2002; и др.

⁶¹ Колдыбаева С.С. Генезис государственной власти и права в истории Казахстана (XVII–XX вв.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Костанай, 2005; Салиев А.Л. О планах царской власти по упразднению народных судов кочевого населения Туркестана (по архивным, правовым и иным материалам) // Вестник КРСУ. 2014. Т. 14. № 3; и др.

⁶² Ларина Е.И., Наумова О.Б. Народное самоуправление у казахов Оренбургской области // Вестник Евразии. 2006. № 4; Они же. Традиция в современных формах самоорганизации российских казахов // Этнографическое обозрение. 2015. № 2; Бочаров В.В. Неписанный закон: Антропология права. Научное исследование. 2-е изд. СПб.: Издательство АИК, 2013; и др.

отношений: в одном из них проводилась мысль о «мессианской, цивилизаторской роли России»⁶³, другой повествовал об «экспансионистской политике России на юго-восточных окраинах»⁶⁴. В контексте этих двух подходов к данной проблеме освещались остальные вопросы социальной и политической жизни казахов.

В заключении подведены общие итоги исследования и сформулирован вектор дальнейшего изучения проблемы. В результате сравнительного анализа имеющейся литературы можно установить, что институт биев на протяжении долгого времени привлекал внимание многих научных школ, представители которых в своих работах ориентировались на разные теоретические подходы. В совокупности они создавали неоднозначный калейдоскоп мнений о биях, поэтому неудивительно, что при знакомстве с их трудами перед взором предстает довольно противоречивая и в то же время чрезвычайно интересная фигура бия.

Бескрайние степные просторы, посезонно кочующие казахские племена, у которых, по мнению российских исследователей и путешественников, «сложно было найти какие-то признаки государственности», сформировали в российском обществе стойкое мнение о казахах как общности, пребывающей на доклассовой стадии развития. Такой методологический подход сохранился и в XIX в. и в первую очередь применялся при проведении российскими властями различных политико-административных и правовых реформ. Взяв за основание эволюционный подход, центральные власти придерживались курса на поэтапный процесс инкорпорации местного права в имперское соционормативное пространство.

Государственная практика правового плюрализма, которая стала применяться позже по всей территории Казахской степи, оформилась под воздействием самых разных нарративов – документов государственных чиновников, академических исследований, публицистики и общественных дискуссий. Эта практика получила свое воплощение отчасти под влиянием тех исторических и этнографических исследований, в которых казахское общество рисовалось патриархальным,

---

⁶³ Аткинсон Т. Восточная и Западная Сибирь // История Казахстана в западных источниках XII–XX вв. Т. VIII. Первые английские путешественники в Казахской степи / Сост. И.В. Ерофеева. Алматы: Санат, 2006; Pipes R. The Formation of the Soviet Union. Communism and Nationalism, 1917–1923. Cambridge, Mass., 1954; и др.

⁶⁴ Schuyler E. Turkistan. Notes of a journey in Russian Turkistan, Khokand, Buchara and Kuldja. L., 1876. Vol. 1; Pierce R. Russian Central Asia, 1867–1917: A study in Colonial rule. A., 1960; и др.

родовым, или говоря иначе, наиболее оптимальным для проведения реформ по преобразованию края.

Отличительной особенностью дореволюционной историографии является умелое сочетание описательного подхода и практического востоковедения. Думаю, никто не усомнится в том, что застав нормативное поле казахов в том состоянии, который принято называть «классическим», востоковеды оставили громадное источниковое и историографическое наследие, которое еще предстоит понять и осмыслить.

Уверена, что во многом такая характеристика подходит и для советской историографии, которая прошла сложный, противоречивый путь становления и развития. В течение первого десятилетия своего существования советская власть, исходя из сложившейся социально-политической ситуации в крае, меняет свое отношение к обычному праву и традиционным институтам – от лояльного (обычно-правовые нормы признавались и действовали наряду с советским законодательством) к постепенной ликвидации и запрету их деятельности на территории Казахстана. С конца 1920-х гг. можно говорить о постепенном исчезновении института биев.

1920-е – начало 1930-х гг. были временем культурных и научных экспериментов, когда сторонники «национальной» культуры и науки были пока еще оппонентами, а не буржуазными представителями и врагами адептов «пролетарской» идеологии. В это время мы можем наблюдать плюрализм научных мнений. При исследовании социальной и политической истории казахского общества большинство исследователей исходили из постулата, что родовые лидеры – бии, старшины, аксакалы представляли верхушку родовой общины и играли ведущую роль в функционировании кочевой общины.

В 1930-е – 1950-е годы по мере строительства государства в соответствии с генеральной линией партии большевиков изменялась не только социально-экономическая, но и политико-идеологическая ситуация. В связи с этим меняется и «облик» исторической науки – он становится все более политизированным и окончательно утверждает в качестве теоретико-методологической позиции

концепцию классового подхода при изучении исторических процессов, как прошлого, так и настоящего.

Несмотря на жесткие идеологические установки и «ориентиры», одним из научных направлений в эти годы становится изучение вопросов национально-освободительных движений казахов, где движущими силами выступали массы кочевников, объединенных вокруг традиционного народного лидера, будь то султан, бий или батыр.

Дискуссии 1950-х гг. коренным образом повлияли на содержание и характер работ советских исследователей. С этого времени все враждебные советской власти или выступавшие против присоединения к России политические и социальные силы были причислены к «врагам народа», «попутчикам» народных масс, их характеристика стала носить открыто негативный оттенок.

Современные российские и казахстанские исследователи отошли от таких принципов и приемов построения научных конструкций. Вместе с советской эпохой канула в Лету и традиция единого подхода при изучении досоветского прошлого. За прошедшие десятилетия после образования Российской Федерации и Республики Казахстан в научном сообществе обозначилась переоценка господствовавшей прежде концепции о мирном присоединении нерусских народов к империи. Пересмотр взглядов коснулся и русско-казахских отношений, которые признаются достаточно сложными и неоднозначными. Их переосмысление вызывает исследовательский интерес к истории традиционных обществ Центральной Азии, в том числе к проблемам обычного права – эти вопросы были включены в российскую и казахстанскую проблематику.

Изменение дискурса, который ограничивал методологический поиск исследователей, привел к тому, что многие вопросы национальной истории, в том числе касающиеся института биев, получили новый уровень развития: от описания тех или иных событий к научному изучению проблемы, к обобщению историографического материала. Эйфория от «научной свободы», царившая в первые годы независимости, сменяется более взвешенными подходами.

Пунктирный анализ зарубежной историографии позволяет наметить общие тенденции, свойственные работам западноевропейских и американских

исследователей. Можно с уверенностью зафиксировать определенные тематические различия, в то же самое время, определяя их неразрывную связь с социальной историей народов Центральной Азии. Уверена, что современная историческая наука лишь в том случае будет иметь шанс на поступательное развитие, когда ею будут продуктивно использоваться все достижения мировой науки. И в этом плане вклад зарубежной историографии несомненен, поскольку позволяет посмотреть на многие исторические процессы всесторонне, уйти от географической ограниченности, быть в курсе новых перспектив и дискурсов в изучении традиционного прошлого, в том числе дореволюционного казахского общества.

Вышесказанное позволяет мне прийти к твердому убеждению, что для всестороннего объективного осмысления исторического прошлого ученым необходимо выйти за географические рамки «национальной» школы и, используя многообразные источники и литературу, прийти к пониманию невозможности доминирования одной версии. Каждый источник вне зависимости от локальности продолжает существовать в разных контекстах. Задача исследователей, на мой взгляд, состоит в понимании этого постулата и применении в своих исследованиях.

Наряду со сказанным, хочется подчеркнуть, что многие вопросы института биев в современной историографии остались до сих пор малоизученными, требующими внимания со стороны ученых. Среди них можно назвать следующие:

– Полагаем, что настало время для изучения устойчивости «неписанного права» в современном казахстанском обществе. Насколько нормы обычного права влияют на законодательство и живут в убеждениях людей, и, соответственно, влияют на стереотипы поведения.

– Роль биев в «утверждении/ослаблении» социально-политической позиции имперской власти на юго-восточных окраинах. В данном контексте вызывает интерес вопрос о том, какие существовали скрытые формы «протеста/сотрудничества» в отношениях между региональными властями и местной элитой.

– изучение проблемы «обынородчивания» русского населения на окраинах империи, во фронтальной зоне, когда тесные отношения последних с местными

жителями приводили к отказу русских от собственной идентичности и ассимиляции с местным населением.

– роль биев во внешнеполитических инициативах Российской империи в центральноазиатском регионе.

Основные положения, выносимые на защиту:

– Представленные в диссертации материалы свидетельствуют о том, что в основе подхода по инкорпорированию местного права в общероссийское соционормативное пространство лежали идеи эволюционизма, согласно которым определенный уровень развития общества предполагал соответствующий ему уровень общественно-правовых и социальных институтов.

– Поскольку общество казахов воспринималось в глазах государственных чиновников и общественности как «дикое», «патриархальное», в основу проводившихся судебно-правовых мероприятий правительства был положен принцип поэтапного реформирования.

– Опираясь на проведенный в исследовании историографический анализ, можно говорить, что в дореволюционной историографии дискуссионным стал вопрос о принципах формирования древнего суда.

– Анализ дореволюционной историографии свидетельствует о том, что в XIX в. в историографии сложилось в основном два подхода к вопросу реформирования правовых институтов казахского края – либеральный и консервативный государственнический.

– Материалы исследования доказывают, что в дискуссиях по этому вопросу приняли участие как центральные, так и региональные власти, которые также по-разному видели пути эволюции казахского суда биев.

– В спорах о формах традиционных институтов приняла участие и национальная интеллигенция, связывавшая будущее своего народа с созданием национальной автономии и желавшая через российскую культуру приобщить казахский народ к достижениям европейской цивилизации.

– Так как в советский период государство влияло на все сферы жизни общества, траектория развития науки определялась методологическими

партийными установками, согласно которым все события исторического прошлого следовало объяснять классовым и формационным подходом.

– Работа позволила показать, что в первые годы советская власть лояльно относилась к адатному праву, что выразилось в закреплении смешанного адатно-советского законодательства.

– Сложение советской историографии – длительный и сложный процесс, испытавший на себе влияние смены нескольких дискурсов: «абсолютное зло»/«наименьшее зло»/«добровольное присоединение». В контексте этих дискурсов по-разному трактовались роль и место биев в социально-политической истории казахского общества.

– В условиях доминирования методологического плюрализма современные исследователи стараются изучить вопросы социальной истории досоветских обществ в контексте эволюционистского, цивилизационного и др. подходов, что приводит к неоднозначной оценке места и роли института биев в казахском обществе.

– В современной историографии среди российских и казахстанских ученых нет единого мнения по некоторым вопросам истории института биев, в том числе о времени возникновения института биев, влиянии административно-правовых реформ на суд биев, роли во внешней и внутренней политики Казахского ханства.

– Характерной чертой зарубежных исследований, которые базируются в основном на российских и казахстанских источниках, является стремление иначе интерпретировать многие вопросы социальной истории казахского общества, услышать «голос» не только центра, но и периферии.

Апробация результатов исследования. Основные положения и результаты диссертации были изложены в монографии «Институт биев: образы и интерпретации в российской и казахстанской историографии» (объемом 22 п.л.), на международных и всероссийских конференциях, ряде научных статей, в том числе в 19 научных публикациях, изданных в ведущих рецензируемых журналах и изданиях, входящих в перечень ВАК РФ, учебных пособий. Диссертация была обсуждена на кафедре истории стран ближнего зарубежья исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Основное содержание диссертационной работы отражено в следующих публикациях автора:

Монография, учебные пособия:

1. Институт биев: подходы и интерпретации в российской и казахстанской историографии. Монография. М.: «КДУ», «Университетская книга», 2015. 352 с. (22 п.л.)
2. История Республики Казахстан на современном этапе (1985–2004): Учебное пособие. Астана: Казахский государственный агротехнический университет им. С. Сейфуллина, 2005. 121 с. (6 п.л.)
3. История Казахстана: учебное пособие. Астана: КазНАМ, 2010. 250 с. (10 п.л.)

Публикации в изданиях, включенных в перечень ведущих периодических журналов, рекомендованных ВАК РФ:

4. Совет биев и народное собрание в казахском обществе XVIII–XIX веков в оценках современников // Вестник Челябинского государственного университета. Серия «История». 2014. № 12(341). Вып. 60. С. 14–21. (0,8 п.л.)
5. Полемика вокруг суда биев среди представителей казахской интеллигенции начала XX века (сравнительно-исторический анализ) // Гуманитарный вектор. Серия «История. Политология». 2014. № 3(39). С. 89–95. (0,7 п.л.)
6. Место и роль биев в системе ханской власти в оценках российских исследователей (XVIII – первая половина XIX в.) // Вестник Ленинградского гос. ун-та имени А.С. Пушкина. Серия «История». 2014. № 3. С. 91–100. (1,2 п.л.)
7. Институт биев в казахском обществе: к историографии происхождения термина // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2014. № 6. С. 37–55. (1,1 п.л.)
8. О древнем суде биев: российская дореволюционная историография вопроса (XIX – начало XX вв.) // Научное мнение. 2014. № 7. С. 136–144. (0,9 п.л.)
9. Виды доказательств в казахском традиционном суде в отражении российской историографии XIX в. // История государства и права. 2014. № 23. С. 23–27. (0,5 п.л.)
10. Суд биев в казахском традиционном обществе (по материалам дореволюционной российской историографии второй половины XIX – начала XX века) // Вестник Новосибирского государственного ун-та. Серия «История, филология». 2015. Т. 14. Вып. 5. С. 97–103. (0,8 п.л.)

11. О функциях биев в казахском обществе: некоторые подходы современных российских и казахстанских исследователей к проблеме // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2015. № 1(17). С. 60–67. (0,7 п.л.)
12. О полномочиях биев в казахском обществе: современная российская и казахстанская историография // Ученые записки Казанского университета. Серия «Гуманитарные науки». 2015. Кн. 3. Т. 157. С. 254–261. (0,8 п.л.)
13. Институт биев в казахском обществе в первое десятилетие советской власти // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2015. № 4. С. 74–87. (0,9 п.л.)
14. Уровни бийского суда в казахской степи: современная российская и казахстанская историография // Университетский научный журнал. Серия «Филологические и исторические науки, искусствоведение». 2015. № 11. С. 173–180. (0,7 п.л.)
15. Современная российская и казахстанская историография о судьбе института биев в XX веке: // Вестник ОмГУ. 2015. № 2. С. 126–131. (0,6 п.л.)
16. Шариат и/или адат в казахском праве (первая половина XIX в.) // Исламоведение. 2015. № 3. С. 25–33. (0,8 п.л.)
17. Вклад Вяткина в исследование народно-освободительного движения казахов под руководством бия-батыра Срыма Датова // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2015. № 3 (19). С. 89–95. (0,6 п.л.)
18. Советская историография института биев с 1917 г. – до середины 30-х гг. XX в.: дилемма «бесклассовое патриархально-родовое или классовое феодальное общество» // Вестник МГОУ. Серия «История и политические науки». 2015. № 5. С. 75–81. (0,7 п.л.)
19. Разработка теоретико-методологических подходов в дореволюционной историографии института биев // Научный диалог. 2015. № 12(48). С. 291–302. (0,8 п.л.)
20. Суд биев в пореформенный период (XIX в.): современная российская и казахстанская историография вопроса // Университетский научный журнал. 2015. № 14. С. 99–108. (0,7 п.л.)
21. Формирование и трансформация идейно-методологических концепций в советской историографии дореволюционной истории казахов (1920-е – 1940-е годы) // Научный диалог. 2016. № 2(50). С. 261–271. (0,7 п.л.)

Статьи в международных журналах, входящих в базу данных Scopus:

22. Place and Role of the Biy Council and People's Assembly in the Traditional Kazakh Society of the XVIII – XIX Centuries (Following the Data of the Pre-Revolutionary Russian Historiography) // Asian Social Science; Vol. 10, No. 20; 2014. С. 129–136. (0,7 п.л.)

Публикации в других изданиях:

23. Русско-казахские отношения в XVIII – XIX веках (историография вопроса) // Международная научно-практическая конференция (Валихановские чтения). Кокчетав, 1998. С. 115–122. (0,7 п.л.)
24. Казахская философия в наследии биев: историографический аспект // Международная научно-практическая конференция «Проблемы повышения конкурентоспособности экономики Казахстана». Астана, 2009. С. 305–309. (0,5 п.л.)
25. Бии в казахском обществе как традиционный институт власти в трудах дореволюционных российских исследователей // Международная научно-практическая конференция «Традиционные общества: неизвестное прошлое». Челябинск, 2009. С. 115–120. (0,5 п.л.)
26. Ч. Валиханов о бийском правосудии в казахской степи // Вестник Карагандинского государственного университета им.Е.А. Букетова. Караганда, 2009. № 2(54). С. 113–120. (0,8 п.л.)
27. Российские дореволюционные исследователи об институте биев в казахском обществе: историографический аспект // Международная научно-практическая конференция: «Всемирная история: проблемы и перспективы», посвященная 75-летию академика К.Н. Нурпеисова в рамках «Нурпеисовских чтений». Алматы, 2010. С. 425–427. (0,4 п.л.)
28. Вопросы патриотического воспитания молодежи в вузах Казахстана на примере наследия казахских биев (историография вопроса) // Труды Республиканской научно-методической конференции «Современные тенденции развития системы высшего и послевузовского образования». Темиртау, 2010. С. 81–84. (0,4 п.л.)
29. Национальная интеллигенция начала XX века о традиционном судебном институте в казахском обществе (историография вопроса) // Международная научно-практическая конференция «Традиционные общества: неизвестное прошлое». Челябинск, 2011. С. 222–226. (0,4 п.л.)
30. Abai Kunanbaev and the judge of biys in Kazakh society (historiography of the issue) // Economic Development of Germany and Russia// European Applied Studies modern approaches in scientific researches, 2nd International scientific conference. ORT Publishing. Stuttgart. 2013. С. 106–108. (0,3 п.л.)

31. Казахская интеллигенция начала XX века об институте биев казахском обществе // Материалы республиканской научно-практической конференции «20 лет Независимости Казахстана: успехи, проблемы и перспективы». Костанай. 2013. С. 241–247. (0,5 п.л.)
32. Kazakh enlighteners of the middle XIX century upon the biys institution // The Third International Conference on History and Political Science. Vienna, OR: «Eas West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH. 2014. С. 6–11. (0,5 п.л.)
33. XVIII – XIX ғғ. қазақ қоғамындағы билер кеңесі және халық жиналысы замандас авторлардың бағалауында // Вестник университета «Кайнар». 2014. № 3. С. 165–172. (0,7 п.л.)
34. The evidence in Kazakh court of biys (Russian historiography of the issue in the first half of XIX c.) // Материалы международной конференции «История, философия, социология, культурология: опыт и знания в процессе формирования и развития общества». М., 2014. С. 6–8. (0,4 п.л.)
35. Хандық билік жүйесіндегі билердің орны мен рөлі Ресейдің ресми тарихнамасы көзқарасымен (XVIII–XIX ғғ. бірінші жартысы) // Отан тарихы. 2014. С. 157–165. (0,8 п.л.)
36. The court of biys in kazakh traditional society as described in the materials of russian pre-revolutionary historiography (second half of XIX – early XX cc.) // Ұлттық тарихты зерттеу мен оқытудың қазіргі кезеңдегі өзекті мәселелері: Халықаралық ғылыми-практикалық конференциясының баяндамалар жинағы. Астана: Л.Н. Гумилев атындағы ЕҰУ баспасы. 2014. С. 78–81. (0,4 п.л.)
37. Ежелгі билер соты: мәселенің ресейлік революцияға дейінгі тарихнамасы (XIX–XX ғғ. басы) // Вестник КазНУ. Серия истор. 2015. № 1(76). С. 42–49. (0,7 п.л.)
38. Современная российская и казахстанская историография об институте биев в начале XX века // Современная наука. Актуальные проблемы теории и практики. Серия «История. Педагогика. Филология». 2015. № 11–12. С. 24–27. (0,6 п.л.)
39. Билер институтының қазіргі заманғы Ресейлік және Қазақстандық тарихнамасы: зерттеудің тұжырымдамалық әдістері // Вестник КазНПУ. Серия «Исторические и социально-политические науки». 2015. № 1(44). С. 123–128. (0,6 п.л.)
40. Современные подходы к изучению института биев в российской и казахстанской историографии // XXVIII Международная научная конференция по источниковедению и историографии стран Азии и Африки. Азия и Африка в меняющемся мире. СПб., 2015. С. 121–122. (0,2 п.л.)

41. On the term «biy»: comparative historiographic analysis of the problem // Вестник Евразийского гуманитарного института. 2015. № 3. С. 35–41. (0,8 п.л.)
42. Адат или шариат: споры о суде биев среди национальной интеллигенции Казахстана в начале XX в. // Материалы Юбилейной X Всероссийской научно-практической конференции «Фаизхановские чтения». Ч. 1. М.: ИД «Медина», 2015. С. 262–268. (0,6 п.л.)
43. Ораторские слова как средство сохранения культурного наследия народа // Материалы XIII Конгресса МАПРЯЛ «Русский язык и литература в пространстве мировой культуры». Т. 6. Гранада, 2015. С. 357–361. (0,3 п.л.)
44. Суд биев в царской и советской России: от эпохи Великих реформ до ликвидации // Вопросы истории Сибири: Сб. научных статей. Омск: ОмГПУ, 2015. С. 121–127. (0,6 п.л.)
45. Институт биев в ранний советский период: от признания к упразднению // Материалы международной научно-практической конференции «Козыбаевские чтения – 2015»: перспективы развития науки и образования. Петропавловск, 2015. С. 74–79. (5 п.л.)
46. Правовой плюрализм в казахской степи в XIX веке: адат или шариат? // Россия и Восток: взаимодействие стран и народов: Труды X Всероссийского съезда востоковедов, посвященного 125-летию со дня рождения выдающегося востоковеда Ахмет-Заки Валиди Тогана. Кн. 1. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2015. С. 192–194. (0,4 п.л.)